

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печивской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: Увлеченія нормальнаго контракта.—«Искусство актера» (оконч.). *Коклена.*—Отзвуки Пушкинскихъ торжествъ. *А. Ростиславова.*—Хроника театра и искусства.—Письмо въ редакцію. *В. Никулина.*—Театральныя замѣтки. *А. К—елл.*—Изъ Москвы. *Старика.*—Черный трагикъ (оконч.). *В. Далматова.*—За границей.—Провинціалн. лѣтопись.—Объявленія.

№ 44.

Рисунки: «Биронъ» (2 рис. С. С. Соломко и 2 рис. А. Р—ва), «Печаль».

Портреты: З. К. Озмидовой, г-жи Мироповой (въ роли Заза), Н. А. Борисова, К. Н. Рыбакова. Виньетка П. А. Ассатурова.

Приложеніе: «Злой духъ», В. В. Билибина.

Принимается подписка на второе полугодіе 1899 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

За первое полугодіе всѣ экземпляры разошлись.

Театральныя справочно-статистическія
Бюро Русскаго Театральнаго Общества:

Въ Москвѣ—Тверская ул., уг. Сытинскаго пер., д. Арбатскаго; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 4 часовъ.

Въ С.-Петербургѣ—Караванная ул., д. № 9, кв. 6; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 5 часовъ.

С.-Петербургъ, 31 октября.

Среди германскихъ сценическихъ дѣятелей въ настоящее время происходитъ оживленный обменъ мнѣній. Съѣздъ членовъ Союза сценическихъ дѣятелей измѣнилъ нѣкоторыя договорныя условия и дисциплинарныя мѣры, въ пользу антрепренеровъ. Актеры недовольны этими перемѣнами и находятъ, что у антрепренеровъ правъ и безъ того достаточно. Дѣйствительно, на нашъ русскій взглядъ строгій порядокъ, господствующій въ германской театральной жизни, представляется чѣмъ-то совершенно необыкновеннымъ. Отношеніе

работодателя къ работникомателю выдержано здѣсь въ полной мѣрѣ, хотя съ другой стороны, только при полной лояльности германскихъ антрепренеровъ и возможно предоставить имъ такія широкія права.

О дисциплинѣ въ нѣмецкихъ театрахъ можно составить себѣ понятіе, напримѣръ, по слѣдующему правилу. Всѣ актеры, не исключая премьеровъ, не исключая даже гастролеровъ—если на этотъ счетъ не существуетъ особой оговорки въ контрактѣ,—обязаны играть для ансамбля всякія роли и выходить въ качествѣ статистовъ. Въ случаѣ нарушенія какого нибудь пункта договора, въ специальной театральной газетѣ («*Bühnen Genossenschaft*») печатается объявленіе о нарушеніи договора, и ни одинъ антрепренеръ не смѣетъ принимать на службу провинившагося актера. Нарушенный контрактъ знаменитаго Кайнца привелъ къ тому, что долгое время антрепренеры, которымъ необходимо было его ангажировать, принуждены были выходить на время изъ состава корпорации. А пребываніе въ ней представляетъ большія выгоды и преимущества.

Этотъ абсолютизмъ германскихъ антрепренеровъ даже при исторической и засвидѣтельствованной долготѣннымъ опытомъ ихъ лояльности, представляетъ явленіе довольно несносное. Но нельзя не согласиться, что наши русскіе актеры, мечтая объ устроении русской сцены, впадаютъ въ противоположную крайность. Мы уже имѣли случай говорить о проектѣ нормальнаго контракта. Нѣкоторыя постановленія его, по своему маниловскому прекрасоудію, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Не угодно-ли, напримѣръ, полюбоваться на параграфъ 119 проекта, въ раздѣлѣ «О штрафахъ».

«Предприниматель, гласитъ этотъ параграфъ,—т. е. антрепренеръ, представитель товарищества,

представитель дирекціи, режиссеръ и капельмейстеръ, подлежатъ, *по удостовѣренію труппы*, въ случаѣ ихъ неисправности, штрафамъ въ двойномъ размѣрѣ противъ налагаемыхъ на артистовъ. Окладъ жалованья предпринимателя приравнивается къ высшему окладу въ труппѣ.

Трудно представить болѣе дѣтское правило. Труппа будетъ штрафовать антрепренера! Начать съ того, изъ какихъ суммъ будетъ производиться вычетъ штрафной суммы? Загнѣмъ, что такое «удостовѣреніе труппы»? единогласное или по большинству голосовъ? Какъ можетъ труппа, не составляющая того, что называется «юридическимъ лицомъ», постановлять рѣшенія?

Но самое курьезное заключается въ томъ, что составитель этого параграфа въ серьезъ думалъ, будто найдутся антрепренеры, которые поставятъ въ зависимость свое дѣло «отъ удостовѣренія труппы», что «представитель дирекціи» согласится изображать равную сторону процесса въ состязаніи со служащимъ актеромъ, и что, наконецъ, такой диковинный порядокъ вещей, если бы онъ осуществился, въ состояніи былъ бы обезпечить спокойствіе и устойчивость театральнаго механизма...

Желать невозможнаго—это самое лучшее средство погубить возможное. Такихъ невозможныхъ желаній; заставляющихъ усомниться въ томъ, что нормальный контрактъ когда нибудь осуществится, имѣется не мало въ проектѣ. Ихъ необходимо устранить, какъ бы они ни льстили и ни были пріятны, по существу, свободному и демократическому духу актера. *Impossibilia non sunt turpia*, какъ гласитъ римское право. То, что невозможно, никогда не бываетъ позорно... Хуже насмѣшишь людей и испортитъ все дѣло.

Искусство актера*).

Кокленъ.

(Окончаніе).

Когда говоришь объ искусствѣ, —вдаешься въ тонкости. Таковъ уже діалектический характеръ этихъ разсужденій. Тѣмъ не менѣе, практически эти различія и классификаціи, которыя я дѣлалъ, гораздо понятнѣе и осязательнѣе, нежели въ теоріи. Я уже указывалъ на преувеличеніе и подчеркнваніе, на декоративность театральнаго искусства. При свѣтѣ рампы все кажется тройнѣе. Рампа измѣняетъ законы—даже протяженія и времени. Она концентрируетъ и сжимаетъ площадь въ нѣсколько миль въ маленькую сцену—и вы вѣрите. Она сгущаетъ минуты, которыя кажутся часами—и вы вѣрите. То, что вамъ представляется тоненькой ниткой при чтеніи,—на сценѣ превращается въ толстую веревку, почти что въ канатъ. Вотъ почему, какъ ни тонки бываютъ подчасъ теоретическія разсужденія о природѣ и сущности сценическаго искусства,—не думайте, что это схоластика и діалектическое упражненіе. На сценѣ раз-

ница въ одинъ дюймъ кажется метромъ, и минимальная особенность дарованія-ли или пріема—бросаетъ отъ себя длинную тѣнь. Не будемъ поэтому опасаться отгнѣнковъ въ сужденіяхъ.

Итакъ повторю еще разъ.—Естественность бываетъ различнаго рода; естественность не равнозначаща единообразію: два лица могутъ не походить другъ на друга въ выраженіи своихъ чувствъ, и въ то же время быть одинаково искренними, а стало быть и одинаково естественными. Естественность южанина и естественность сѣверянина—различныя вещи. Слѣдуетъ понимать и чувствовать эти отгнѣнки; такіе же отгнѣнки должна прилагать театральная критика къ игрѣ актеровъ. Соотвѣтственно своему темпераменту, актеры одинаковаго дарованія могутъ совершенно различно воспроизводить черты жизни и природы. Случается, что даже въ игрѣ наиболѣе великихъ артистовъ вы находите нѣчто чрезмѣрное въ смыслѣ проявленія чувства, и съ точки зрѣнія естественности игры, великіе актеры кажутся ниже второстепенныхъ актеровъ. Но это заблужденіе. Они сообщаютъ своимъ образамъ собственную мощь. Вотъ и все. Они естественны на манеръ орла, вмѣсто того, чтобы быть естественными на манеръ курицы. Но, конечно, будь онъ орелъ или курица, актеръ не долженъ быть выше общихъ законовъ искусства. Истина, пропорціональность, гармонія—эти основныя категории искусства—одинаково существуютъ для всего міра.

Еще одно замѣчаніе, которымъ я и кончу.

Подобно тому, какъ нельзя играть драму, какъ комедію, такъ точно и нельзя играть Мольера, какъ Вольтера, и Ожье—какъ Мельяка. Всякій авторъ имѣетъ свою собственную природу, которая проявляется въ его произведеніяхъ и которую актеръ долженъ отразить, потому что актеръ есть не только истолкователь, но и живое воплощеніе автора. Возьмите, напр., Дюма-сына. Развѣ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ его пьесъ не представляетъ собою чего-то вродѣ посланца, на обязанности котораго лежитъ объяснить публикѣ и ходатайствовать передъ ней объ идеяхъ пославшаго его автора? Можно ли играть такія роли такъ же, какъ стали бы мы играть роли, напр., Дюма-отца? Герои послѣдняго не стремятся что-нибудь доказывать. Они идутъ своей чертовски-веселой дорогой, богатые силой и здоровьемъ, то ползкомъ, то приплясывая, заботясь только о томъ, какъ бы позабавиться и придти къ вождѣльному концу. Одинъ дѣлаетъ романъ и исторіей. Другой—повсюду рассыпаетъ теоріи и обращаетъ ихъ на служеніе дѣйствительности сегодняшняго дня. Оба—большія умницы, но какая разница между бурной восторженностью одного и сосредоточенною ироніей другого; между гасконской легкостью отца и парижской зрѣлостью сына! Актеръ долженъ себѣ дать отчетъ во всемъ этомъ, если онъ не желаетъ играть *m-eille de Belle-Isle*, какъ „*Demi-monde*“, а Ришелье, какъ Оливье де-Жаленъ. Это совершенно разные лица. Они сохранили свои ударенія, свой *акцентъ*, то непередаваемое нѣчто, которое появляется съ рожденіемъ и не оставляетъ человѣка до могилы. Вотъ этотъ-то акцентъ автора актеръ долженъ усвоить. Онъ долженъ такъ глубоко проникнуть въ изображаемаго имъ героя, чтобы докопаться до этого внутренняго, скрытаго акцента. Эта часть работы болѣе глубокая, болѣе трудная, болѣе—если можно выразиться—интимная, чѣмъ психологическая разработка даннаго лица.

Когда вы играете Корнеля, не старайтесь его ни гуманизировать, ни романизировать. Играйте его просто молодцомъ, испанцемъ XVII вѣка, норманд-

*) См. №№ 15, 20, 37 и 38.

цемъ, почти гасконцемъ, полурыцаремъ, французомъ начала того великаго вѣка, который великъ-то былъ, пожалуй, только вслѣдствіе своего блистательнаго начала — гордый вѣкъ, когда занимались заговорами, какъ Цинна, когда политиканствовали, какъ Фламиній Северъ и когда предавались культу галантности, какъ во времена Цезарей. Сообщите Корнелю корнелевскій стиль. Онъ лирикъ — взмахните крыльями. Но когда вы дойдете до Расина — сложите крылья, хотя я считаю Расина равнымъ по гению Корнелю. Человѣческая фигура уменьшилась:

Эго вѣкъ Людовика XIV. Но что потеряно въ осанкѣ, то выиграно въ учтивости: все прекраснаго тона, но немножко мелкаго; болѣе убѣдительности, чѣмъ пламеннаго краснорѣчія, болѣе упорства, чѣмъ лирическихъ восторговъ. Никто не пускаетъ пыли въ глаза. Расинъ старается больше очаровать, чѣмъ ослѣпить. Расинъ — самый женственный изъ нашихъ авторовъ и его слѣдуетъ играть деликатно и съ осторожностью. Даже Роксана, даже Федра должны соблюдать мѣру вещей, завѣщанную имъ стилемъ ихъ творца. Вотъ, благодаря чему, такъ блистала Рашель:

Вы играете Мольера. Возьмите его широкую общность; заимствуйте у него его удивительный даръ точнаго опредѣленія, мало обращающаго вниманіе на ухищренія ума, но въ высшей степени чуткаго, съ широкими очертаніями правды; проникнитесь его веселостью, которая была естественнымъ настроеніемъ его души и къ которой не примѣшиваются ни одна капля мизантропической горечи; говорите съ той свободой и смѣлостью, которая такъ идетъ къ этому прекрасному комическому языку.

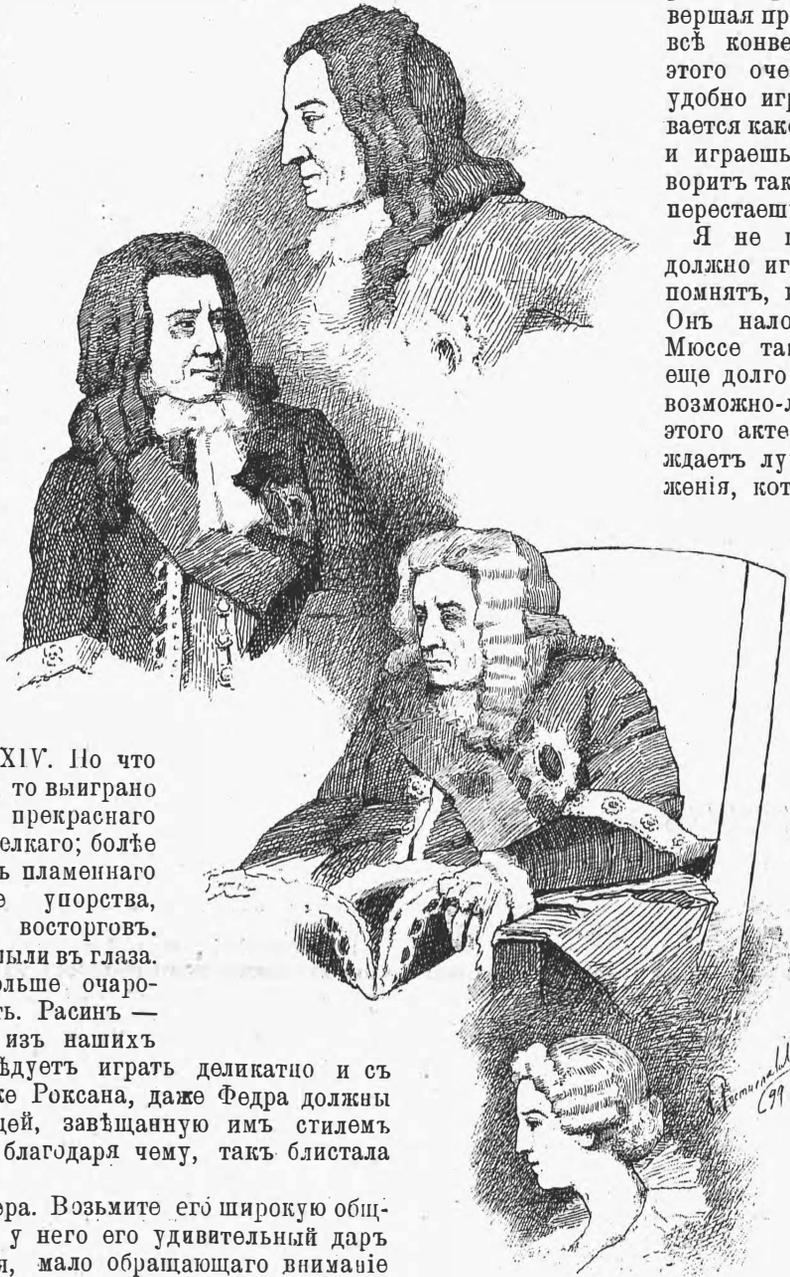
Бомарше — совсѣмъ другое. Очень мало натуры, очень мало вдохновенія, которое свободно течетъ изъ жизнерадостнаго духа. На первомъ планѣ — умъ, умъ, направленный на борьбу, умъ лукавый, вызывающій. У автора столько ума, что онъ награждаетъ имъ всѣхъ своихъ персонажей. Даже у такого осла, какъ Бридуазонъ, имѣется умъ. Апломбъ, смѣлость, немножко наглости — вотъ что нужно выразить, когда играешь Бомарше.

Изъ нашихъ современниковъ Ожье безспорно наиболѣе приближается къ Мольеру, хотя его стиль новѣйшій. Въ немъ есть точность и мѣткость великаго учителя.

Фелье требуетъ больше нервовъ. Онъ такой-же теоретикъ, какъ Дюма, но романиченъ и обладаетъ „роковымъ взглядомъ“. Превосходная выдержка, вели-

«БИРОНЪ» комедія Н. А. Борисова.

Александринскій театръ.

Рисунокъ А. Ростиславова.

косвѣтскій видъ, крупица отрицательнаго романтизма, но всѣ его герои добрые католики и даже совершая преступленіе, соблюдаютъ всѣ конвенансы. Вотъ у Скриба этого очень мало. Его очень удобно играть. Сразу устанавливается какой-то фамиллярный тонъ и играешь за панибрата. Онъ говоритъ такимъ языкомъ, что сразу перестаешь стѣсняться.

Я не говорю о томъ, какъ должно играть Мюссе. Всѣ еще помнятъ, какъ его игралъ Делонэ. Онъ наложилъ на репертуаръ Мюссе такую яркую печать, что еще долго будутъ сомнѣваться — возможно-ли играть Мюссе безъ этого актера. Ничто не подтверждаетъ лучше истину того положенія, которое я стараюсь доказать — что каждый авторъ требуетъ въ нѣкоторомъ родѣ специальныхъ качествъ актера. Делонэ былъ «мюссетистъ», какъ бывають актеры «шекспировцы».

Гюго нужно играть въ лирическомъ родѣ. Онъ прежде всего лирикъ и самыя драматическія изъ его положеній настолько сохраняють печать лиризма, что кажется, будто драматическіе моменты являются для него не болѣе, какъ предлогомъ для поэтическихъ излияній. Что такое донъ-Сезаръ, напр., въ „Рюи-Блязъ“? — Лирическій фантазеръ. Я никогда не могъ чувствовать въ немъ ничего другаго и никакъ не могъ его иначе играть. Подъ

шкурой героевъ Гюго чувствуется всегда самъ онъ, совсѣмъ не такъ, какъ у героевъ Шекспира или Мольера.

Меня могутъ упрекнуть въ противорѣчій относительно Мольера и Шекспира, ибо съ одной стороны я утверждаю, что ихъ не найдешь въ ихъ герояхъ, а съ другой стороны — я приглашаю искать ихъ, этихъ авторовъ, чтобы играть ихъ произведенія извѣстнымъ образомъ. Противорѣчіе однако болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Лица, созданныя этими великими поэтами, живутъ собственно и независимою жизнью. Шекспиръ и Мольеръ не смѣшиваются и не повторяются въ нихъ. Это — люди, живые люди, которыхъ мы знаемъ, которыхъ мы сейчасъ встрѣтимъ на улицѣ. Но когда мы ихъ встрѣтимъ, развѣ мы смѣшаемъ людей Шекспира съ людьми Мольера? Ни мало. Мы отлично сумѣемъ ихъ различить и установить для cadaго соотвѣт-

ствующій типъ, ибо, взирая на человечество, великіе поэты производятъ выборъ своихъ героевъ, подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія, которое вытекаетъ изъ глубины ихъ собственного духа. Они выбираютъ не только общія черты героевъ, но и мелкія подробности изъ числа тѣхъ, которыя имъ кажутся наиболѣе характерными, и сообщаютъ имъ своеобразную выразительность. Они располагаютъ не только способностью создавать людей, но еще болѣе чудеснымъ даромъ—создавать пространство, на которомъ тѣ живутъ, атмосферу, которая это пространство наполняетъ, и лучи солнца, которые купаются въ этой атмосферѣ. Выборъ типовъ, ихъ выраженій, оттѣнки цвѣта и среды—вотъ что, въ соотвѣтствіи съ внутреннимъ складомъ ихъ духовнаго міра, создаетъ ихъ стиль, ихъ манеру, и въ этомъ выражается ихъ индивидуальность.

Въ скромномъ кругѣ своего предназначенія, актеръ долженъ осуществить нѣчто въ этомъ родѣ. Онъ можетъ запечатлѣть своею личностью роль, которую онъ играетъ, но эта печать должна глубоко въдраться въ изображаемую дѣйствительность. Необходимо, чтобы зритель забылъ про актера и видѣлъ только лицо и чтобы въ то же время онъ не могъ себѣ представить это лицо въ другомъ изображеніи. Кто знаетъ—можетъ быть потому, что Шекспиръ и Мольеръ принадлежали нашему искусству, они въ состояніи были изгнать до такой степени субъективность изъ своихъ твореній, такъ ярко отмѣтивъ ихъ въ то же время своей индивидуальностью.

Отзвуки Пушкинскихъ торжествъ.

„Ва! знакомыя все лица!“ невольно скажешь, войдя на выставку въ залъ музея Штиглица. Да вѣдь это филиальное отдѣленіе выставки Петербургскаго Общества Художниковъ! Не слишкомъ-ли много? И осенняя, и весенняя, — двѣ выставки гг. Петербургскихъ Художниковъ. Впрочемъ, чья это выставка—не сказано, а въ каталогѣ значится: „Сборъ съ выставки поступитъ въ капиталъ по сооруженію памятника Пушкину въ С.-Петербургѣ“. Въ виду цѣли, какъ это у насъ водится, приходится посочувствовать, быть благосклоннымъ, а пожалуй даже разсыпаться въ комплиментахъ по адресу устроителей. Правда, уже а priori казалось-бы, подобная выставка должна быть, такъ сказать, безпартійной и привлекать публику именами наиболѣе интересныхъ нашихъ художниковъ. Почему же на ней фигурируютъ, за самыми немногими исключениями, только произведенія гг. членовъ Петербургскаго Общества Художниковъ, представляють-ли эти произведенія такой интересъ для публики, чтобы переваривать ихъ не только весной, а и осенью только подъ другимъ соусомъ? Почему, наконецъ, такое изобиліе произведеній отдѣльныхъ художниковъ, напр. гг. Г. П. Кондратенко, В. П. Шредера, К. Е. Маковского? Есть на выставкѣ картина И. К. Айвазовскаго: „А. С. Пушкинъ на вершинѣ Ай-Петри при восходѣ солнца“. Невольно начинаетъ казаться, не аллегорія-ли эта картина всей выставки, хотя гг. члены Петербургскаго Общества Художниковъ и не символисты. Солнце восходитъ въ глубинѣ картины, бокомъ къ нему стоитъ, удивительно уродливо, по дѣтски нарисованная и написанная фигура бѣднаго Пушкина верхомъ на лошади, и вотъ эта-то фигура освѣщена еще какимъ-то непонятнымъ краснымъ свѣтомъ спереди. Такъ и мерещится на всей выставкѣ кромѣ солнца русской поэзіи еще другой источникъ освѣщенія... Но пусть ради симпатичной цѣли публики любуются чуть не десяткомъ приличнаго размѣра, какъ разъ на покупателя, олеографій г. Кондратенко, безчисленными цвѣтистыми „на выборъ“ какъ въ мелочной лавочкѣ, чего хочешь, того просишь произведеніями Г. К. Маковского, архаическими головками М. П. Воткина, дѣтски раскрашенными картин-

ками (тоже около дюжины) г. Шрейбера и пр. Склоняясь передъ памфлетной цѣлью выставки, умолкаю и я, чтобы перейти къ курьезу, кажется, уже чистѣйшей воды. При входѣ на выставку на особенномъ цитѣ красуется коллекція рисунковъ членовъ Общества перваго дамскаго художественнаго кружка для юбилейнаго изданія „Евгенія Онѣгина“ и здѣсь же на особомъ столѣ продаются экземпляры этого изданія, при чемъ уже шпѣть не обозначено, что съ какою-либо благотворительной цѣлью. Просто „Евгеній Онѣгинъ“, юбилейное изданіе подъ покровительствомъ 1-го дамскаго художественнаго кружка, на слонової бумагѣ—3 р. 50 к., на японской... 50 рублей. Есть экземпляръ incipit въ особенномъ тиспенномъ кожанномъ переплетѣ, стоящій 150 руб.!

Неправда-ли, интересно посмотреть? Въроятно, это нѣчто очень цѣнное въ художественномъ отношеніи, разъ требовалась японская бумага и переплеты incipit. Правда, дамы художницы, члены 1-го дамскаго художественнаго кружка, до сихъ поръ не заявляли себѣ ничѣмъ выдающимся, за исключеніемъ талантливой г-жи Самокиши-Судковской, если не ошибаюсь, тоже члена кружка, но въроятно, на этотъ разъ онѣ постарались. И что-же? извинилось передъ дамами, но никакъ не могу придумать другого сравненія—представить себѣ, что вамъ на блюдахъ севрскаго фарфора преподносятъ сквернѣйшіи обѣды изъ кухмистерской. Жаль севрскаго фарфора, жаль японской бумаги и переплетовъ.

Съ трудомъ вѣрнись, разсматривая эту курьезную коллекцію неумѣло-диллетантскихъ, иногда прямо лубочно исполненныхъ рисунковъ, что это потуги иллюстрировать знаменитую поэму. Какая-то ничтожная жалкая фигура въ смятыхъ брюкахъ—повидимому Онѣгинъ, какая-то квадратная женская фигура съ плечами, чуть не Геркулеса, съ лицомъ горничной—повидимому Ольга, какая-то опять жалкая фигура съ кривымъ лицомъ, должно-быть, Татьяна, очень плохо иллюстрированная дѣйствующія лица изъ оперы—Гренинъ и Трике, прямо уже лубочныя вины и спящая Татьяна съ потѣшными чудовищами, изображающими ей сонъ, а затѣмъ уже необходимые элементы дамскаго творчества: жалкіе пейзажики, цвѣточки, жучки и пр.

Ищешь уже не характера, типичности; талантливости, а просто хотъ сколько нибудь приличнаго рисунка и почти не находишь. Какой дозой самоувѣренности, самодовольства надо обладать, чтобы издавать подобные продукты творчества вообще и тѣмъ болѣе на японской бумагѣ за 50 рублей!

Безъ сомнѣнія, каждый воленъ рисовать и издавать все, что ему угодно, каждый воленъ назначать какія угодно цѣны за свое произведеніе, но вѣдь должно же быть и нѣчто сдерживающее, ибо нашъ любитель изъ публики, особенно провинціальный, все еще слишкомъ паивентъ, все еще очень набоженъ на ошеломляющую рекламу; ему и въ голову не придетъ, что продукты дамскаго творчества, преподносимые за три съ половиной на слонової, за 50 рублей на японской бумагѣ, по художественнымъ достоинствамъ немного выше размалеванныхъ лубочныхъ картинъ чуть-ли не на оберточной бумагѣ, которыя его прислуга покупаетъ по 3 коп., а то и по копѣйкѣ за листъ.

И пусть не думаютъ, что фактъ, на который я остановился, мелки и не заслуживаютъ вниманія. Есть въ нихъ серьезная и печальная сторона. Едва-ли бы мы любовались филиальнымъ отдѣленіемъ выставки Петерб. Общ. Худ., не будь имени Пушкина. Едва-ли-бы дамы перваго дамскаго художественнаго кружка рѣшились на „роскошное“ изданіе, если-бы его нельзя было окрестить юбилейнымъ въ честь Пушкина. Какъ будто юбилей все покрываетъ, какъ будто ради юбилей все сойдеть. А вѣдь это только сравнительно скромные отзвуки „Пушкинскихъ торжествъ“. Полагалось умиляться и восторгаться по поводу „всероссійскаго праздника“, при чтеніи отзывовъ о „чествованіи“, объ аллюпатияхъ и комическихъ зрѣлищахъ, устраиваемыхъ съ серьезнымъ видомъ, о „постороннихъ цѣляхъ“, приплетенныхъ къ празднику, о томъ, какъ повывѣзли изъ щелей всевозможныя „мошки да букашки“. А между тѣмъ естественно-ли въ самомъ дѣлѣ чествовать „колосса искусства“ потугами на искусство и предпріятіями „мошекъ да букашекъ“? Не смахивалъ-ли „всероссійскій праздникъ“ въ сильной степени на оргію маленькихъ господъ, жаждущихъ по фигурировать, а то еще хуже — просто господъ предпріимчивыхъ?

ХРОНИКА

Театра и искусства.

Гр. А. А. Бобринскій назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ Императорскихъ театровъ съ откомандированіемъ въ распоряженіе управляющаго московскою конторой Императорскихъ театровъ—по художественно-монтажной части.

* * *

† Федоръ Юрьевичъ Криндачъ, о смерти котораго сообщалось въ прошломъ № нашего журнала, родился въ 1872 г., въ г. Новочеркасскѣ, гдѣ отецъ его былъ довольно популярнымъ присяжнымъ повѣреннымъ. Первоначальное образование покойный получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ Митавскую гимназію, оттуда перешелъ въ Либавскую. По окончаніи гимназіи, Ф. Ю. поступилъ вольноопредѣляющимся, выдержалъ экзаменъ на офицерскій чинъ, но прослуживъ недолго, вышелъ въ запасъ. Во время италянско-абиссинской войны былъ откомандированъ съ санитарнымъ отрядомъ Краснаго Креста на театръ военныхъ дѣйствій. За эту поѣздку получилъ орденъ Св. Анны 3-й степени и Абиссинскую звѣзду 2-й ст. По возвращеніи, началъ заниматься литературой (преимущественно переводами). Въ концѣ прошлаго 1898 г. былъ приглашенъ на мѣсто помощника секретаря петербургскаго Бюро Русскаго Театральнаго Общества, а затѣмъ былъ назначенъ управляющимъ этого Бюро и дѣлопроизводителемъ Совѣта Русскаго Театральнаго Общества.

Сотрудничалъ покойный въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ („Новое Время“, „Театръ и Искусство“, „С.-П. Вѣд.“ и др.). Отдѣльнымъ изданіемъ вышли его брошюры: „Русскій кавалеристъ въ Абиссиніи“ и „Очеркъ торговли и промышленности“. Кроме того имъ изданы отдѣльно переводы пьесъ: „Во имя нравственности“, „Старья дрожжи“, „На повныя мѣста“ и „Агнесса“. Всѣ эти пьесы отличаются несомнѣнными литературными достоинствами и переведены хорошимъ языкомъ. Кстати сказать, „Во имя нравственности“ и „Старья дрожжи“ уже приняты для постановки на Императорскихъ сценахъ.

Въ нашемъ журналѣ онъ принималъ дѣятельное участіе. Его перу принадлежитъ много неподписанныхъ статей и замѣтокъ, преимущественно по бытовымъ вопросамъ театра.

Покойный всегда производилъ впечатлѣніе человека увлекающагося. Онъ интересовался всѣмъ, но преимущественно театромъ. Въ послѣднее время онъ задумалъ обширную работу—пересмотръ всего русскаго законодательства о театрѣ и серьезно отдался изученію и обработкѣ матеріаловъ. Владѣи прекрасно тремя иностранными языками и отличался природною остротою ума, хотя и не остуженнаго еще опытомъ жизни, онъ былъ неопытнымъ работникомъ, и для нашей редакціи эта потеря особенно чувствительна.

Какъ мы уже сообщали, смерть Ф. Ю. послѣдовала скоропостижно, въ ночь съ 21 на 22 октября. Похороны состоялись въ понедѣльникъ, 26 октября. На кладбищѣ собралось немного народа. В. С. Кривенко, П. Д. Лепскій, И. М. Булацель, Н. Н. Окуловъ, Ю. Э. Озаровскій, нѣсколько друзей покойнаго, представитель нашего журнала, нѣсколько артистовъ, артистокъ и родственниковъ. Моросилъ осенній дождь. Ноги вязли въ глинистой почвѣ. Кладбище, съ рядами полуразрутыхъ могилъ, дышало мучительною безотрадностью. Никто не сказалъ ничего надъ могилою такъ странно, такъ быстро сгорѣвшаго молодого человека. Но печать удрученности лежала на всѣхъ.

На могилу покойнаго возложенъ вѣнокъ отъ нашего журнала.

* * *

Любопытная защита нарушеннаго права.

Французское общество драматическихъ авторовъ и композиторовъ предъявило искъ Брюссельскому телефонному обществу, вздумавшему соединять своихъ абонентовъ посредствомъ «театрофоновъ» съ театральными и концертными залами, давая имъ возможность слушать, не выходя изъ дома. Въ жалобѣ, поданной въ брюссельскій судъ, французы поддерживали положеніе, что нельзя давать исполненію музыкальнаго произведенія большую публичность, чѣмъ та, которая разрѣшена авторомъ и что передача этого произведенія по телефону составляетъ родъ двойного исполненія. Судъ уважилъ эти основанія и постановилъ взымать 5 франковъ съ каждаго лица, слушающаго оперу или концертъ по телефону.

Авторамъ открываются новые и весьма обильные источники доходовъ.

* * *

З. К. Озмидова. 19-го октября скончалась отъ паралича сердца писательница-белетристка Зинаида Константиновна Озмидова, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ Зео. Дочь извѣстнаго профессора-юриста К. А. Неволина, покойная была замужемъ за редакторомъ-издателемъ „Ново-

† З. К. Озмидова.

російскаго Телеграфа“ М. П. Озмидовымъ, въ газетѣ котораго почти исключительно печатались ея разнообразныя литературныя произведенія. Романы „Вторая жена“ и „Свыше силъ“ достигли нѣсколькихъ изданій, а послѣдній романъ былъ передѣланъ въ драму подъ тѣмъ же названіемъ. Перу покойной принадлежали также нѣкоторыя другія произведенія для театра.

* * *

Въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка въ нынѣшнемъ сезонѣ предполагается пѣлая серія бенефисовъ. Первымъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, будетъ бенефисъ г. Михайлова, который ставитъ „Вокругъ пылающей Москвы“ пьесу г. Мосолова, передѣлку Загоскинскаго Рославлева. „Максимъ Сумбуловъ“ кн. Д. П. Голицына пойдетъ въ декабрѣ, какъ мы уже сообщали, въ бенефисъ З. В. Холмской. „Гордыня“ идетъ во вторникъ на будущей недѣлѣ. Состоялись уже двѣ генеральныя репетиціи.

* * *

Концертъ скрипача-виртуоза Григоровича, въ среду, 27 октября, привлекъ довольно многочисленную публику. Можно было поразоваться за концертанта, тѣмъ болѣе, что онъ вполне заслуживаетъ вниманія. Но публика, въ нѣкоторомъ родѣ достойна удивленія. Микроскопическій сборъ съ консерваторскаго вечера заставляетъ горько призадуматься. Разумѣется, г. Григоровичъ прекрасный виртуозъ, составившій уже себѣ имя за границей, укрупнившійся, такъ сказать, «на зыбкой почвѣ» артистическаго успѣха и вышедшій побѣдителемъ изъ бѣды ученическаго періода. Есть-ли у него средства теперь, были-ли они у него раньше, это мнѣ совершенно неизвѣстно, но я мысленно ставлю на мѣсто г. Григоровича бѣднаго ученика консерваторіи, недобѣдующаго куска хлѣба, который, въ

концѣ концовъ, чувствуетъ, что силъ больше нѣтъ проходить музыкальное «мученіе» и превращается въ простаго музыкальнаго ремесленника.

Подходя въ среду къ Кредитному Обществу, я нѣсколько сомнѣвался въ матеріальномъ успѣхѣ концертанта. Имя г. Григоровича было извѣстно въ мірѣ музыкантовъ — это несомнѣнно, но великъ-ли этотъ міръ въ Петербургѣ? Определить это было довольно затруднительно. Мои опасенія, однако, не оправдались. Любителей и профессионаловъ-скрипачей набралось чуть что не полный залъ. Къ великому моему удовольствію среди нихъ была славная, шумная толпа учащихся, юныхъ музыкантовъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ билеты были представлены концертантомъ. Этому нельзя не порадоваться. — Учащіеся же не потеряли даромъ времени.

Началь г. Григоровичъ со скрипичнаго концерта Lalo. Концертъ, какъ обозначено авторомъ, написанъ на русскія темы, хотя многія изъ нихъ мало на то похожи. Для виртуоза въ этомъ произведеніи есть много интереснаго. Есть чѣмъ блеснуть. Но рядъ труднѣйшихъ пассажей, быстрыхъ пробѣги по гаммамъ, скачки, двойныя ноты и проч. à la longue надоедаютъ: хочется, наконецъ, музыкальности отъ автора, а не сухой техники. Lalo даетъ ее въ весьма небольшомъ по объему Lento, а затѣмъ въ III части, довольно безцвѣтной, возвращается къ быстрому темпу, гдѣ весь интересъ въ исполненіи видится на развитіи техники скрипача. Блестящая техника г. Григоровича настолько, однако, интересна и совершенна, что овладѣла вниманіемъ аудиторіи. Гаммы г. Григоровича великолѣпныя, легкія, кристаллыя; каскады звонкіе и чистые, какъ горные ручьи. Точно также хороши и отдѣланы всѣ быстрые пассажи, въ нихъ нѣтъ ни сучка, ни забороники. Чистѣйшая интонація при этомъ и поразительная непринужденность исполненія.

Благодаря этому концерту Lalo, г. Григоровичъ могъ сразу обратить вниманіе публики на свое блестящее умѣніе владѣть инструментомъ. Съ хорошимъ пониманіемъ былъ сыгранъ Air—Баха. Но тутъ весь интересъ сосредоточенъ былъ на инструментѣ г. Григоровича, который какъ бы былъ показанъ любителямъ во всей его красѣ. У г. Григоровича одинъ изъ драгоцѣнныхъ инструментовъ Гварнерія, которому нужно именно «спѣть» что-нибудь вродѣ Баховской аріи, чтобъ дать возможность оцѣнить красоту и силу его голоса. Инструментъ у г. Григоровича чудесный, съ нѣсколько слабобатымъ по звучности баскомъ. Тембръ скрипки красивъ и мягокъ, съ удивительно пріятной для слуха окраской.

Legende — Венявскаго была сыграна менѣе удачно нежели прочіе номера. Быть можетъ, артистъ чувствовалъ уже нѣкоторую усталость, что весьма возможно. Въ широкихъ, пѣвучихъ фразахъ чувствовались сухость и напряженіе. Прекрасно удалось, однако, повтореніе основной темы на флажолетахъ.

Съ большимъ брио сыгралъ г. Григоровичъ эффектную, но мало-музыкальную фантазію Сарасате на темы «Кармень». Успѣхъ г. Григоровичъ имѣлъ очень большой. О пианистѣ, г-нѣ Эдуардѣ Фацерѣ, лучше умолчать. Неужели было такъ необходимо выпустить его солистомъ? Въ роли аккомпаниатора онъ сношенъ.

Рояль фабрики Карла Ренишъ я слышалъ въ первый разъ. Судить о немъ по игрѣ г. Фацера трудно. Тонъ довольно пріятный, въ особенности въ центрѣ, въ пассахъ слышится иногда какой-то гулъ. Быть можетъ это по винѣ пианиста.

Б. М. Соловьевъ

* * *

Недавно возникшее общество музыкальныхъ педагоговъ и другихъ музыкальныхъ дѣятелей, преслѣдуемое музыкально-филантропическія цѣли, замѣтно расширяется въ составѣ своихъ членовъ. Число послѣднихъ быстро увеличивается, о чемъ можно судить по периодическимъ засѣданіямъ общества, на которыхъ каждый разъ баллотируются вновь записавшіеся кандидаты.

Черезъ каждыя двѣ недѣли по воскресеньямъ въ помѣщеніи общества (Кирпичный пер., д. № 8) происходятъ, кромѣ того, музыкальные вечера, интимность которыхъ придаетъ имъ большую привлекательность.

* * *

Постановка «Бирона» на сценѣ московскаго Малаго театра отменена. Въ бенефисъ г. Ленскаго въ Александринскомъ театрѣ идетъ новая пьеса г. Боборыкина.

* * *

На этихъ дняхъ уѣхалъ въ Варшаву, на мѣсто новаго служенія, цензоръ драматическихъ сочиненій, И. М. Литвиновъ, сопровождаемый наилучшими пожеланіями авторовъ и всѣхъ прикосновенныхъ къ театру лицъ. Просвѣщенный умъ и искренняя любовь къ театру И. М. Литвинова значительно облегчали ему его трудную задачу. А задача — дѣйствительно трудная. Драматическая литература такъ разрослась, что существующіе штаты драматической цензуры никакъ не могутъ съ ней справиться.

Число пьесъ за послѣдніе годы учетверилось, а штаты все прежніе, да и то не всегда полные.

Какъ мы слышали, драматическіе авторы намѣрены въ непродолжительномъ времени чествовать И. М. Литвинова объѣдомъ.

* * *

Фарсъ „Подайте мнѣ ребенка!“... Таисъ называется новый фарсъ, поставленный въ Панаевскомъ театрѣ. Фарсъ этотъ принадлежитъ перу Виссона, авгору нашумѣвшаго въ прошломъ сезонѣ фарса „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“. Новый фарсъ Виссона имѣлъ такой же, если не болѣе, успешнѣе, какъ и „Контролеръ“. Лично мнѣ фарсъ „Подайте мнѣ ребенка“ понравился даже болѣе пресловутаго „Контролера“. Оригинальный и замѣчательно остроумный діалогъ, забавныя положенія дѣйствующихъ лицъ, прекурбизныя qui pro quo между героями и пр. — таковы достоинства новаго фарса. Ребенка требуетъ одна сердобольная теща, пожелавшая имѣть во что бы то ни стало внука, о которомъ и говорить на сценѣ все время. Однако главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ фарсѣ оказывается другой ребенокъ, сынъ мамы, приглашенной для несущегося пока еще поворожденнаго. У этого „чужого“ ребенка случайно оказываются нѣсколько отцовъ, которые ссорятся между собой. На этомъ построена забавная пьеса. Говорятъ, этотъ фарсъ въ русскомъ переводѣ сильно сокращенъ и измененъ гг. М. и В. Можетъ

быть, но во всякомъ случаѣ фарсъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ идетъ теперь смотрится очень весело. Впрочемъ, если бы 1-й актъ (особенно финальную сцену) еще болѣе сократить, то пьеса отъ этого только бы выиграла. Исполненіе было прекрасное. Г. Сабуровъ въ нѣкоторомъ родѣ удивилъ публику, выступивъ въ несвойственной ему роли престарѣлаго бошывана, внаваго уже въ дѣтство. Артистъ взялъ очень трудный тонъ и выдержалъ его отъ начала до конца. Нѣкоторые шероховатости, безъ сомнѣнія, ступаютъ на послѣдующихъ представленіяхъ. По обыкновенію много смѣшилъ публику г. Ленни, исполнившій центральную фигуру фарса — Каскаре.

Актеръ Небѣльскій, убитый изъ револьвера актеромъ Рамазановымъ.
(См. № 42).

Весело смотрится и другая новинка театра — „Холодные души“, хотя, разумѣется, между этими фарсомъ, или „водевилъ-фарсомъ“, или „водевилемъ“, какъ названы „Холодные души“ на афишѣ, и фарсомъ „Подайте мнѣ ребенка“ — „дистанція огромнаго размѣра“. Артисты принуждены прибѣгать къ разнымъ „колѣнцамъ“ и „вывертамъ“. Весело играетъ въ немъ кокетку Ліону г-жа Воронцова-Ленни и хороши гг. Ленни (Шерадамъ), Сабуровъ (Брокатель) и Каменскій (Пемпаръ).
Вл. Л.—ий.

* * *

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, называть которую мы не станемъ, помѣщены невѣрные свѣдѣнія о дѣлахъ опереточной труппы Е. А. Морской, играющей въ Кіевѣ. Труппа эта въ скоромъ времени появится предъ петербургской публикой, и администрація проситъ насъ сообщить точныя свѣдѣнія о дѣлахъ ея въ Кіевѣ.

За первый мѣсяць съ 15-го сентября до 14 октября было взято валоваго сбора 24.911 р. (что составляетъ почти тысячу рублей на кругъ). Съ постановки „Гейши“, дѣла еще улучшились. „Гейша“ сдѣлала 5 переполненныхъ съ аншлагомъ сборовъ.

* * *

Московская исторія съ г. Копюсомъшла совершенно неожиданно продолженіе... въ симфоническомъ концертѣ. Едва на возвышеніи передъ своимъ пультомъ показался г. Сафоновъ, какъ началась демонстрація. Подвилася невообразимая сумятица; въ отвѣтъ на шиканья и свистки, произведшіе дѣлѣ ураганъ въ залѣ, другая половина публики разразилась рукоплесканіями. Оркестръ заигралъ тушь, и прошло добрыхъ минутъ пятнадцать, прежде чѣмъ этотъ безпримѣрный въ исторіи симфоническихъ концер-

товъ инцидентъ, наконецъ, окончился и музыкальная программа вступила въ свои права.

Передъ послѣднимъ померомъ демонстрація, направленная противъ г. Сафонова, повторилась съ новою силой и съ тою же продолжительностью, и музыкой уже мало кто интересовался.

Такъ прошло это единственное въ своемъ родѣ и отнынѣ ставшее знаменитымъ симфоническое собраніе, пишеть безпристрастный лѣтописецъ, явившееся настоящимъ Аустерлицемъ для московской консерваторіи.

* * *

Намъ пишутъ изъ Одессы. - Кн. А. А. Церетели подано заявленіе въ театральную комиссію объ отдачѣ ему въ аренду Одесскаго Городскаго театра. Кромѣ него претендентами на Городской театръ являются Е. И. Антоповская, жена артиста А. П. Антоповскаго, и известный одесситамъ антрепренеръ, В. Л. Форкати. Что же касается „Новаго Театра“, то безызвѣстный антрепренеръ И. П. Артемьевъ, ведетъ въ настоящее время переговоры о сдачѣ его на зимній сезонъ.

Кстати о театрахъ. Г. Г. Маразли и графъ М. М. Толстой предполагають устроить въ Одессѣ въ непродолжительномъ будущемъ новый театръ.

* * *

О новой оперѣ Н. А. Римскаго-Корсакова «Царская невѣста», поставленной на этихъ дняхъ на сценѣ Русской частной оперы въ Москвѣ, — газеты сходятся въ своихъ мнѣніяхъ. Отмѣчается большой успѣхъ оперы. Такъ, въ «Моск. Вѣд.» мы читаемъ:

«Царская невѣста» Н. А. Римскаго-Корсакова такое замѣчательное и крупное явленіе, что о немъ говорить очень снѣжно и коротко не слѣдуетъ. Притомъ, исполненіе оперы 22 октября было настолько хорошо, что также требуетъ болѣе или мене тщательнаго разбора; мнѣ хочется провѣрить свои впечатлѣнія отъ исполненія по второму представленію, имѣющему быть 24 октября.

Отмѣтивъ громадный успѣхъ оперы на первомъ представленіи, критикъ «Нов. Дня» пишетъ:

«Царская невѣста», являясь съ одной стороны высшимъ образцомъ современной оперной техники, по существу оказывается со стороны автора шагомъ къ сознательному отреченію его отъ завѣтныхъ принциповъ новой русской школы. Къ какому новому пути приведетъ это «отреченіе» нашего любимаго автора, — покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, опера сразу произвела сильное впечатлѣніе на публику.

«Русск. Вѣд.» не вдаются въ детальный разборъ, но пишутъ:

Начиная съ перваго же акта, спектакль превратился въ сплошной рядъ овацій по адресу композитора, присутствовавшего на спектакль, и по окончаніи спектакля публика долго не расходилась, восторженно вызывая и привѣтствуя его.

При особомъ мнѣніи остается только «Русское Слово» гдѣ сообщается, что отъ новой оперы многого ждали,

эти ожиданія во многомъ не оправдались. Отъ чего это зависѣло — отъ новой ли манеры письма, которой держится г. Римскій-Корсаковъ въ этомъ своемъ произведеніи, и несоотвѣстствія ея истинному характеру его дарованія, отъ неудовлетворительности ли либретто, или отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ, — только его «Царская невѣста» оказывается значительно слабѣе всѣхъ прежнихъ его оперъ. Представляя по своему стилю возвращеніе къ прежнему типу оперъ до-Вagnerовскаго періода съ ихъ отдѣльными аріями, дуэтами, тріо, ансамблями и т. д., «Царская невѣста» свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ поворотѣ въ направленіи творчества ея автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ сколько нибудь сильнаго впечатлѣнія, оставаясь скорѣе опытомъ чисто теоретическихъ соображеній, отклонившихъ Римскаго-Корсакова отъ его настоящаго пути, чѣмъ плодомъ непосредственнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго вдохновенія.

Кстати по поводу постановки этой оперы сообщаемъ претензію одного москвича. Онъ пишетъ:

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось мнѣ быть въ Италіи, когда тамъ ставили «Отелло» Верди. Это было всенародное празднество, со всѣхъ концовъ государства народъ стремился попасть на первое представленіе и выразить свою радость по поводу торжества своего національнаго композитора.

У насъ въ Москвѣ было тоже торжество. Русскій компо-

ТЕАТРЪ КОРША.

Г-жа Миронова въ роли «Заза»

зиторъ подарилъ намъ прекрасное произведеніе. Я говорю про «Царскую невѣсту» Римскаго-Корсакова. Что это было за славный вечеръ! Къ великому сожалѣнію, мы, москвичи, не видали почти никого изъ петербургскихъ музыкантовъ, не было даже Стасова, Глазунова, а, кажется, послѣдній — ученикъ великаго автора...

* * *

Михайловскій театръ. Въ субботу, 23-го октября, поставили «Авантюристку» Эмиля Ожье, шедшую въ Парижъ въ первый разъ 23 марта 1848 года, а въ Петербургъ — зимою 1850 г.

Основная тема пьесы Ожье, написанной звучными и красивыми стихами, находится въ тѣсной связи съ той идеей «возрожденія» падшей женщины, которая получила особенную популярность, благодаря «Маріонъ Делормъ» Гюго и впоследствии нашла себѣ новое воплощеніе въ лицѣ Маргариты Готье. Какъ извѣстно, Ожье выступилъ рѣшительнымъ противникомъ возможности такого «возрожденія», провозгласилъ его sentimentalною нелѣпостью и въ пьесѣ «Бракъ Олимпіи» старался, въ противоположность Дюма, показать, что женщины, подобныя «Дамѣ съ камеліями», всегда страдаютъ «тоской по грязи». Въ «Авантюристкѣ» онъ, однако, еще не дошелъ до этой полемической крайности и отнесся къ своей героинѣ очень снисходительно.

Тѣмъ не менѣе, апоэозъ добро-буржуазный Фабрицій, соединяя сестру съ избранникомъ ея сердца, заключаетъ пьесу обращеніемъ къ отцу:

Que de petits-enfants notre maison fourmille,
Mon père, nous serons les vieux de la famille.

Пьеса была разыграна живо и смотрѣлась съ интересомъ. Г. Валь — съ присущимъ ему изяществомъ изобразилъ стараго Монте-Прада, обольщаемаго ловкой авантюристкой; г. Кандэ. можетъ быть, слишкомъ злоупотреблялъ извѣстнымъ французскимъ «распѣвомъ» стиховъ, особенно въ патетическихъ мѣстахъ роли Фабриція, какъ напр. сцена съ Клориндой въ 4-мъ актѣ; г. Лортеръ въ роли брата Клоринды донна Анни-бала, былъ типично загримированъ и очень хорошея вообще,

хотя нѣсколько переигрывалъ, — по свойственной ему привычкѣ, — въ сценѣ пьяной болтовни съ Фабрициемъ. Что касается до исполнительницы заглавной роли, — г-жи Баретти, то она была лучше обыкновеннаго, хоть это и не большая похвала.

* * *

Ричардъ Брайсли Шериданъ, про котораго Байронъ въ свое время писалъ: «что-бы ни предпринималъ и ни дѣлалъ Шериданъ, онъ всегда создавалъ совершенство въ своемъ родѣ» и комедій («Школа злословія») котораго открылъ сезонъ Петербургскій драматическій кружокъ, — представляетъ яркаго выразителя того движенія въ англійской литературѣ, которое явилось слѣдствіемъ переворота 1688 г. Съ того знаменательнаго года англійская литература выступила на новый путь и стала отражать общественную жизнь англійскаго народа. Литература не могла остаться безучастной къ вопросамъ, волновавшимъ общество. Мало-по-малу, она не только приняла участіе въ новомъ движеніи, но и стала во главѣ его, слѣдя за назрѣвавшими нуждами и требованіями. Занятіе литературой въ то время совмѣщалось непремѣнно съ дѣятельностью политическою.

Такъ, Шериданъ былъ не только даровитымъ писателемъ, но и блестящимъ ораторомъ. Онъ горячо ратовалъ въ парламентѣ противъ злоупотребленій разнаго рода и часто возставалъ противъ, такъ называемаго, англійскаго высшаго общества, изображенію котораго посвятилъ нѣсколько своихъ пьесъ, въ томъ числѣ и «Школу злословія». Эта комедія безспорно одна изъ самыхъ характерныхъ и интересныхъ пьесъ стараго и новаго времени.

«Школа злословія» — это салонъ лэди Снирвелъ, гдѣ создаются и распространяются всевозможныя гнусныя сплетни, которыми невинно и заглазно поворачать и поносятъ тѣхъ, кто припелся не по нутру постояннымъ посѣтителемъ этого салона-вертепа. Въ дѣломъ родѣ блестяще-написанныхъ картинъ, Шериданъ рисуетъ современное ему общество, срывая маски съ лицемѣрно-добродѣтельныхъ женъ и мужей и разоблачая ихъ пороки и ничтожество. И какъ зло все это описано!.. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ весело сморится эта пьеса!..

Несмотря на то, что персонажи и интересы устарѣли для нашего времени, — «Школа злословія» все же поглощаетъ вниманіе слушателей. Блестящій діалогъ, быстрота сценическаго дѣйствія, правдоподобіе положеній — все это безспорныя достоинства комедіи. Самый юморъ автора напоминаетъ нѣсколько юморъ Мольера, какъ, впрочемъ, и нѣкоторыя дѣйствующія лица. Джозефъ Сэрфесъ, напр., представляетъ равнодушіе Тартюфа, а самый салонъ лэди Снирвелъ сильно напоминаетъ гостиную Селимены. Думается, что Шериданъ находился подъ вліяніемъ Мольера. Это вліяніе сказывается до нѣкоторой степени даже и въ формѣ діалога.

Впрочемъ, если Мольеръ и оказалъ вліяніе на Шеридана, то во всякомъ случаѣ только литературное. Шериданъ остается на почвѣ бытовой англійской комедіи. У Мольера онъ заимствовалъ только самый методъ.

Исполнена пьеса была въ залѣ Павлова очень недурно, несмотря на то, что всѣ роли распределены были между любителями. Впрочемъ, развѣ можно назвать «любителями» г-жу Оградину и г. Горскаго, Берникова, Раева и нѣкот. др., когда за ними чуть ли не десятокъ лѣтъ сценической практики. Лично мнѣ приходится эту труппу «артистовъ-любителей» видѣть впервые, поэтому я не влаюсь до поры до времени въ разборъ игры отдѣльныхъ исполнителей. Скажу только, что общее впечатлѣніе было очень хорошее и думаю, что никто изъ посѣтителей не раскаивался въ томъ, что попалъ на этотъ вечеръ въ залѣ Павлова.

Слѣдующій спектакль Кружка въ четвергъ, 4 ноября. Предполагаютъ поставить «Послѣднюю жертву». *Вл. Л.-ий.*

* * *

«Похожденіе мистера Пикквика и его товарищей», ком. въ 5 д. и 6 карт., по сюжету «Записокъ Пикквикскаго клуба» Диккенса, соч. О. К. Ноговича — отдана авторомъ для постановки на сценѣ театра «Фарсъ». Первое представленіе состоится въ срединѣ ноября въ бенефисъ jeune premier труппы С. Э. Сабурова.

* * *

22-го октября состоялась годовщина основанія духового оркестра на Путиловскомъ заводѣ. На сценѣ театра поставлена была опера «Фаустъ». Изъ пѣвцовъ выдѣлилась въ партіи Маргариты г-жа Морская опытная пѣвица. Сборъ свыше 450 р.

24-го драматическими артистами разыграна была драма И. Шпажинскаго, «Въ забытой усадьбѣ». Въ роли Голубова выступилъ г. Богдановскій, въ роли Крюка г. Каванцевъ, Таню играла г-жа Погодина.

* * *

Г. Кремлевъ — гастролеръ. Въ газету «Народъ» пишутъ изъ Иваново-Вознесенска: 26-го сентября въ общественномъ собраніи поставленъ былъ въ пользу столовой здѣшняго механи-

ко-техническаго училища, при участіи приглашеннаго (къмъ-то) изъ Петербурга артиста (!) А. Н. Кремлева. Представлена была «Семья преступника», давшая полный сборъ (500 рублей), но зато пьеса сыграна болѣе, чѣмъ слабо. Въ особенности слабо былъ въ роли Коррадо г. Кремлевъ. Слабый артистъ. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло, но жалко, что этому артисту (!) за его невозможную игру уплачено было 100 руб. и еще кромѣ того, 30 руб. на дорогу. Кто въ этой щедрости виноватъ, я не знаю, но только не училищное начальство. Деньги 130 рублей, какъ увѣрили меня, выданы г. Кремлеву изъ собранныхъ съ этого спектакля.

* * *

Въ Ново-Адмиралтейскомъ театрѣ каждый праздникъ идуть спектакли, подъ управленіемъ Н. С. Вехтера. Недурная труппа, полное знаніе дѣла и добросовѣстное отношеніе къ нему главнаго режиссера, стараго извѣстнаго провинціального артиста, Н. С. Вехтера, привлекаютъ въ эту залу всегда много публики, не только простонародья, но и такъ называемой интеллигенціи. Намъ привелось видѣть здѣсь двѣ пьесы: «За монастырской стѣной» и «Богъ правду видитъ». Обѣ онѣ были разыграны очень дружно. Въ первой особенно выдѣлились артистки: г-жи Вехтеръ и Марева въ роляхъ Гульельмины и сестры Терезы. Роль сестры Терезы какъ нельзя болѣе въ средствахъ г-жи Маревой, обладающей какъ наружною и голосомъ, такъ и темпераментомъ для сильныхъ драматическихъ моментовъ. Г-жа Вехтеръ настоящая драматическая ingénue, обладающая искренностью и чувствомъ. Въ передѣлкѣ изъ разсказа Л. Толстаго большой успѣхъ выпала на долю молодого артиста г. Оггосонъ, нравнаго кунца Аксенова. Роль была проведена имъ толково и съ экспрессіей. Большое впечатлѣніе произвела сцена въ пересыльной тюрьмѣ прощанія Аксенова съ женой (г-жа Марева), — вызваннаго горячіе аплодисменты. Поставлены пьесы, принимая, конечно, во вниманіе и размѣръ сцены и ограниченныя средства — очень прилично.

Режиссеръ Ново-Адмиралтейскаго театра Н. С. Вехтеръ, открываетъ опять преподаваніе драматическому искусству. Ученики и ученицы его могутъ имѣть практику на сценѣ названнаго театра.

* * *

Совѣтъ Театральнаго Общества выражаетъ благодарность антрепренерамъ Витарскому и Викторову за предоставленіе безплатныхъ мѣстъ агентамъ.

* * *

Театръ «Опедоступныя развлеченія» Понев. о народной трезвости (бывшій Стекланный Заводъ) завоевываетъ симпатіи мѣстныхъ обывателей, и посѣщается охотно, не только въ праздничные дни, но и въ будни. Спектакли ставятся 3 раза въ недѣлю. Съ начала виминго сезона прошли слѣдующія пьесы: «Амлетъ», «Ревизоръ», «Горе отъ ума», «Свадьба Кречинскаго», «Хижина дяди Тома», «Послѣдняя жертва», «Власть тьмы», «Бѣдность не порокъ», «Не въ свои сани не садись», «Кенитьба Бѣлугина», «Лѣсъ», «Роковая ошибка», «Лакомый кусочекъ», «Не въ деньгахъ счастье», и многія другія. Намѣчены къ постановкѣ слѣдующія произведенія: «Мининъ и Пожарскій», «Вольная волюшка», «Отелло», «Горькая Судьбина», «Недоросль», «Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Смерть Ляпунова», «Юрій Милославскій» и другія. Изъ исполнителей выдѣляются и пользуются заслуженнымъ успѣхомъ: г-жи Райдина, Туманова, Никитина и г. Волмфъ, Алашевскій, Скрягинъ, Шуминъ и Головинскій. Какъ мы слышали, Директоръ народныхъ театровъ, Н. Ф. Сазоновъ, хлопочетъ о томъ, чтобы нѣкоторымъ артистамъ, которые служатъ въ Попечительствѣ съ основанія, были даны бенефисы, чему нельзя не порадоваться, такъ какъ артистамъ много приходится трудиться, да и жалованье получасное ими — грошовое. *Театралъ.*

* * *

На-дняхъ рѣшено нововведеніе, касающееся режиссерской части московскаго Малаго театра. Для достиженія улучшеній въ режиссерской части Малаго театра, въ ближайшемъ будущемъ начнутъ примѣнять принципъ раздѣленія труда и будутъ назначаться очередные режиссеры изъ первостепенныхъ артистовъ драматической труппы. Очередной режиссеръ, не касаясь распределенія ролей въ пьесѣ и не вѣдая административныхъ обязанностей, будетъ самостоятельно ставить пьесу въ художественномъ отношеніи, подвергаясь лишь высшему контролю со стороны главнаго режиссера и завѣдующаго репертуарною частью. Режиссировать могутъ и артистки. Имя очереднаго режиссера будетъ обозначаться на афишѣ.

Эту же мѣру, какъ говорятъ, хотятъ примѣнить въ Петербургѣ. Мѣра, не лишняя практическаго значенія, развѣ только она не повлечетъ за собою многовластія и не приведетъ къ раздробленію художественныхъ принциповъ. Притомъ, для насъ не совѣтъ ясно выраженіе —

«очередной режиссеръ». Если прекрасному актеру на бытовые роли придется ставить Ростана—не думаемъ, чтобы это было хорошо. Очевидно, не въ очереди дѣло.

Новая пьеса А. И. Южина «Закать», назначенная на 29 въ бенфисъ К. Н. Рыбакова, внезапно была отменена вълѣдствіе болѣзни А. И. Южина. Утромъ этого дня артисты-репетировали. Наканунѣ (28 октября) въ Большомъ театрѣ внезапно заболѣлъ другой артистъ—Г. Власовъ. Случилось это во время представленія «Макаевево». Спектакль не былъ оконченъ.

Письмо въ редакцію.

М. Г., господинъ редакторъ! Не найдете-ли нужнымъ дать и мнѣ возможность высказаться въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ по вопросу о предоставленіи бесплатныхъ мѣстъ агентамъ Русскаго Театрального Общества. Бесплатныхъ мѣстъ въ каждомъ провинціальномъ театрѣ довольно много. Кресла: полиціймейстера, его помощника, пристава, его помощника, жандармскаго офицера, коменданта, инспекціи среднихъ учебныхъ заведеній, редакторовъ, рецензентовъ, доктора и агента общества драматическихъ писателей. Ложи: литерныя бенуара—начальника губерніи и театральной комиссіи. Означенныя мѣста—постоянныя, а бывають и непостоянныя бесплатныя и обыкновенно при полныхъ сборахъ. Впрочемъ, всѣ эти чины администраціи охраняють въ той или иной мѣрѣ интересы публики, кромѣ агентовъ общества драматическихъ писателей. Я никакъ не могу понять, отчего это насъ обязываютъ давать имъ бесплатныя мѣста?! Мнѣ было бы гораздо понятнѣе, если бы драматурги и композиторы упростили гг. полиціймейстеровъ не разрѣшать печатанія афишъ безъ представленія имъ антрепренерами квитанцій объ уплатѣ авторскаго гонорара впередъ. Что касается опасенія, что актеры, желая избавиться отъ авторской платы, будутъ мѣнять названія пьесъ, то полиція за этимъ обязана неуспевающимъ наблюдать. Итакъ, я думаю, что агенты очень удобно могли бы получать гонораръ и у себя на квартирѣ, не требуя себѣ бесплатнаго мѣста въ театрѣ. Если мы раздаемъ безропотно столько бесплатныхъ мѣстъ, — стали ли бы мы отказывать въ нихъ агентамъ нашего собственнаго Театрального Общества? Попробуемъ разобратся въ этой агентской миссіи. Допустимъ, что черезъ агента, общество будетъ имѣть самыя вѣрныя статистическія свѣдѣнія о пьесахъ, сборахъ и составахъ труппъ. Эти свѣдѣнія общество можетъ получать также и отъ предпринимателей или мѣстной администраціи. Нельзя предположить, чтобы агентамъ немедленно было предоставлено право контроля и суда надъ дѣятельностью провинціальныхъ сценическихъ дѣятелей. Для контроля и критическихъ отчетовъ о сценическомъ искусствѣ необходимы специальныя познанія и художественное чутье. Откуда увѣренность въ безпристрастіи и пониманіи агентовъ, которыхъ общество вовсе не знаетъ?! Остается другая часть агентской миссіи, т. е. непосредственное отношеніе агентовъ въ провинціи, на мѣстѣ, къ сценическимъ дѣятелямъ. Расскажу случай изъ своей практики. Нѣсколько дней назадъ, уже здѣсь, во Владикавказѣ, вошелъ ко мнѣ, въ контору, одинъ субъектъ и назвалъ себя хористомъ оперы и оперетки. Рассказавъ мнѣ длинную и невѣроятную исторію о своихъ похожденияхъ и о томъ, что судьба имѣетъ что-то именно противъ него, онъ выразилъ надежду, что мы дадимъ ему средства добраться до Ташкента. Я обратился тутъ же по телефону къ мѣстному агенту Театрального Общества съ вопросомъ, есть ли вообще на такой случай какая-либо инструкція отъ Общества. Отвѣтъ получился отрицательный. Хориста мы сами отправили въ путь, но какъ же агенты даже не знаютъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ?

Обществу слѣдовало бы снабдить своихъ агентовъ соответствующими инструкціями и слѣдвать изъ нихъ полезныхъ дѣятелей, тогда мы съ удовольствіемъ снабдили бы агентовъ постоянными бесплатными мѣстами, и ярлыкъ: «Мѣсто агента Русскаго Театрального Общества» на креслѣ 1-го или 2-го ряда будетъ наклеиваться предпринимателями въ провинціи очень охотно.

Почтенный членъ Русскаго Театрального Общества

Владикавказъ.

В. Никулинъ.

Театральныя замѣтки.

Къ чему клонится современный театръ и репертуаръ?

Несомнѣнно, что мы переживаемъ переходное время. Мы остыли къ реализму, т. е. вѣрнѣе, къ повседневности, ибо реализмъ, какъ вѣрность натурѣ, есть непреходящая сущность всякаго искусства. Новыя же формы рождаются съ трудомъ, а въ театрѣ—тѣмъ болѣе. Одинъ молодой актеръ, предавшійся культу театра съ религиознымъ обожаніемъ, объяснялъ мнѣ какъ-то, что драма есть синтезъ всѣхъ искусствъ, т. е. поэзіи, живописи, пластики и музыки. Очень можетъ быть, хотя замѣчу, что то же самое утверждалъ Вагнеръ относительно музыкальной драмы. Но если театръ есть синтезъ искусствъ, то тѣмъ понятнѣе, что ему очень трудно найти и выработать новыя формы.

Н. А. Борисовъ.

Что можно дать въ замѣну повседневности? Романтизмъ отжилъ свой вѣкъ. Символизмъ въ чистомъ видѣ встрѣчаетъ на сценѣ серьезное противодѣйствіе, ибо самая сущность символизма мало удовлетворяетъ актеровъ. Дѣйствительно, символизмъ выражается въ томъ, что образы замѣняются настроеніями. Это крайне суживаетъ практическія задачи актера. Его заслуга въ томъ, чтобы воспроизвести живое лицо, и чѣмъ конкретнѣе признаки послѣдняго, чѣмъ ближе они къ натурѣ—тѣмъ больше актеру чести. У актера есть свое, такъ сказать, техническое орудіе творчества: подражаніе. Музыка, поэзія, даже живопись и скульптура, отвлекаясь отъ жизни и природы, не теряютъ своей цѣны, если запечатлѣны талантомъ и вдохновеніемъ. Но актеръ, отвлеченный отъ жизни, никакой натурѣ не подражающій и никакой природы не воспроизводящій, пожалуй, вовсе и не актеръ. Ибо, несмотря на великій историческій путь, пройденный театромъ, актеръ есть все же мимъ, главнымъ образомъ.

Протестъ противъ повседневности выразился особенно въ процвѣтаніи историческихъ пьесъ. «Исторія утѣшаетъ», какъ гласитъ старинный афоризмъ. Я думаю, еще чаще—развлекаетъ.

Можно двояко писать исторію. Во-первыхъ, проникнуться ея духомъ, объяснить ее такъ, какъ она намъ представляется, искать въ отдаленной отъ насъ эпохѣ игру страстей, борьбу интересовъ. Но су-

ществуетъ и другая исторія—анекдоты въ лицахъ. И такова та исторія, которую намъ подносятъ со сцены въ послѣднее время.

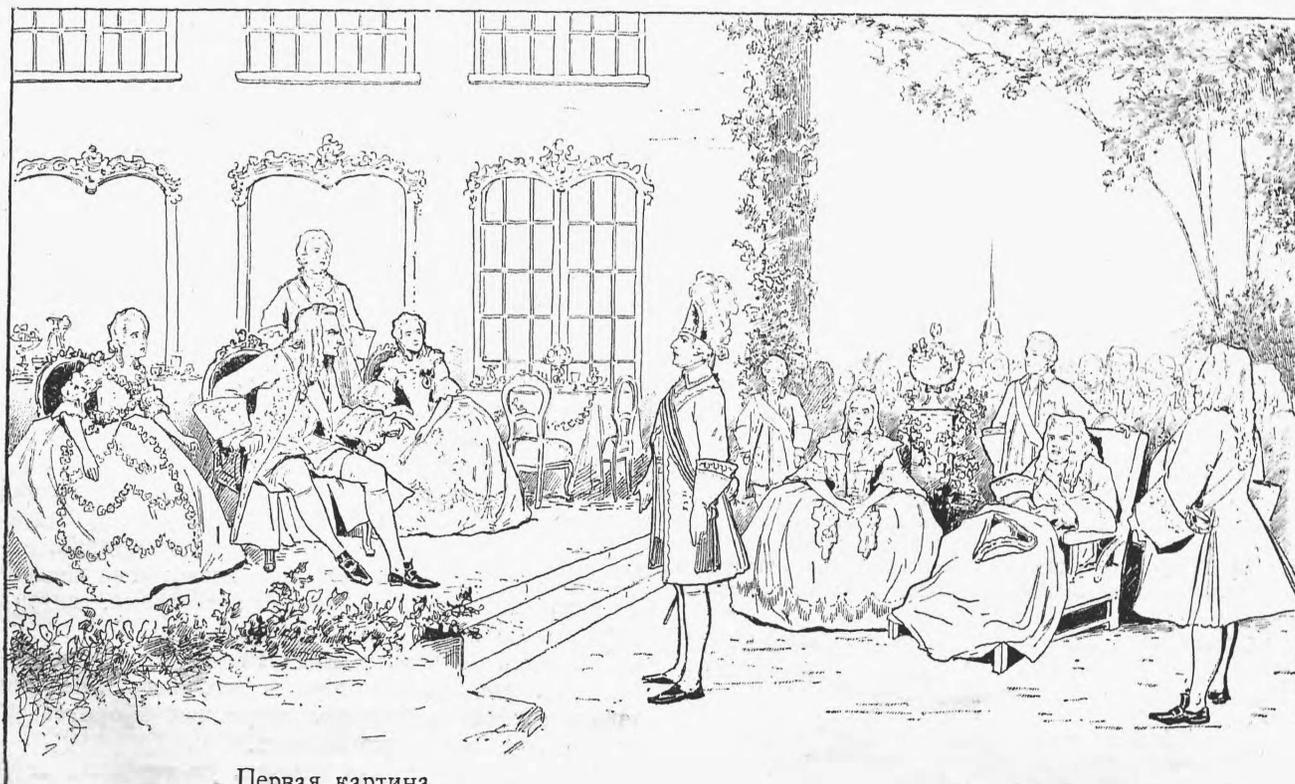
Родоначальникомъ нынѣшней исторической пьесы, которая нисколько не поучаетъ, но очень развлекаетъ публику—безспорно, является Сарду. Совершенно напрасно усматривать его въ Дюма. Дюма-рѣге былъ романтикомъ, вскормленнымъ Гюго. Его мелодрамы, хотя поменьше калибромъ, нежели трагедіи Гюго, вродѣ „Маріи Тюдоръ“, „Le roi s'amuse“ и др., но тѣмъ не менѣе представляютъ напряженную борьбу страстей, гдѣ интрига—все, а исторія, несмотря на историческій *couleur*, составившій одну изъ заповѣдей романтической трагедіи, — занимала послѣднее мѣсто. Романтизмъ, пылавшій, такъ сказать, ожесточеніемъ страстей, стремившійся изобразить ихъ въ чистомъ, абстрактно-психологическомъ видѣ, подобно тому, какъ нѣмецкая метафизика стремилась выразить истину въ отвлеченныхъ формулахъ мышленія, этотъ романтизмъ, говорю я, — жадно искалъ исторіи, потому что она, не подлежа нашей личной провѣркѣ, предоставляла полный просторъ антигемамъ, фантазіи и всякому капризу поэтического вымысла. Дюма пылалъ не съ такимъ ожесточеніемъ, какъ Гюго, но на примѣръ его „Мушкетеры“ были все-таки прежде всего образами старо-французской „гасконады“, а ужъ потомъ анекдотами о Ришелье и Людовикѣ. Его Лоренъ, *Chevalier de Maison Rouge* и пр. были не анекдотами о революціи, а восторженными отзвуками французскаго героизма. Это не была, разумѣется, исторія, но если хотите—поэтический вѣнокъ на холодный мраморъ историческаго прошлаго.

Сарду началъ новую эру историческихъ пьесъ. Сарду не только не романтикъ, которыхъ, впрочемъ, вообще, нынче нѣтъ. Онъ даже не художникъ, онъ сухъ и жестковатъ, лишень фантазіи и выдумки.

Нетрудно понять, что для исторической пьесы нужно гораздо болѣе фантазіи и творчества, чѣмъ для современной. Для современной пьесы можно пользоваться наблюдательностью, восполняющей и замѣняющей въ извѣстной мѣрѣ фантазію, для исторической же пьесы—это—безполезное качество ума. Исторію наблюдать нельзя. Ее можно только оживлять.

Сарду рѣшилъ вопросъ объ историческихъ пьесахъ очень просто. Онъ перенесъ на сцену цѣликъ анекдотъ; живое дѣйствіе замѣнилъ рассказомъ; интригу соединилъ механическимъ образомъ съ историческимъ ходомъ событій. Задача, составлявшая громадный трудъ, великое художественное бремя, даже у такихъ, на примѣръ, второстепенныхъ писателей, какъ Делявинъ, упростилась подъ руками Сарду необыкновенно. „*Madame S. Gêno*“—это цѣлая серія анекдотовъ, выдаваемыхъ за исторію. Наполеонъ щиплетъ за ухо на сценѣ, потираетъ руки, носитъ лошины. Все это извѣстно изъ любой біографіи. Если этой характеристики мало,—къ ней прибавляется рассказъ Лефевра о томъ, какъ Наполеонъ объдаетъ. Если и этого не хватаетъ,—присоединяется еще какой нибудь анекдотъ и т. д. Но съ особеннымъ, шарлатанствомъ, эта манера Сарду выражена въ „Термидоръ“ „Памелъ“ и т. п. Отъ историческихъ фигуръ—буквально остаются только рожки. Интрига не имѣетъ никакой внутренней связи съ историческими лицами, выводимыми въ шьесахъ. Исторія превращается въ такую же декорачію дрянной мелодрамы или глупаго фарса, какъ тѣ размалеванныя „подъ стиль“ полотнища, которыя изображаютъ мѣсто дѣйствія. Исторія перестаетъ быть существомъ, сутью пьесы, а становится обстановкою, режиссерскимъ приѣмомъ, характерной *mise en scène*... Этого мало. Исторіи не только присваивается служебная, подчиненная роль, но она перевирается, принижается,

«БИРОНЪ» Н. А. Борисова на сценѣ Александринскаго театра.

Первая картина.

Конкордія.

Биронъ.

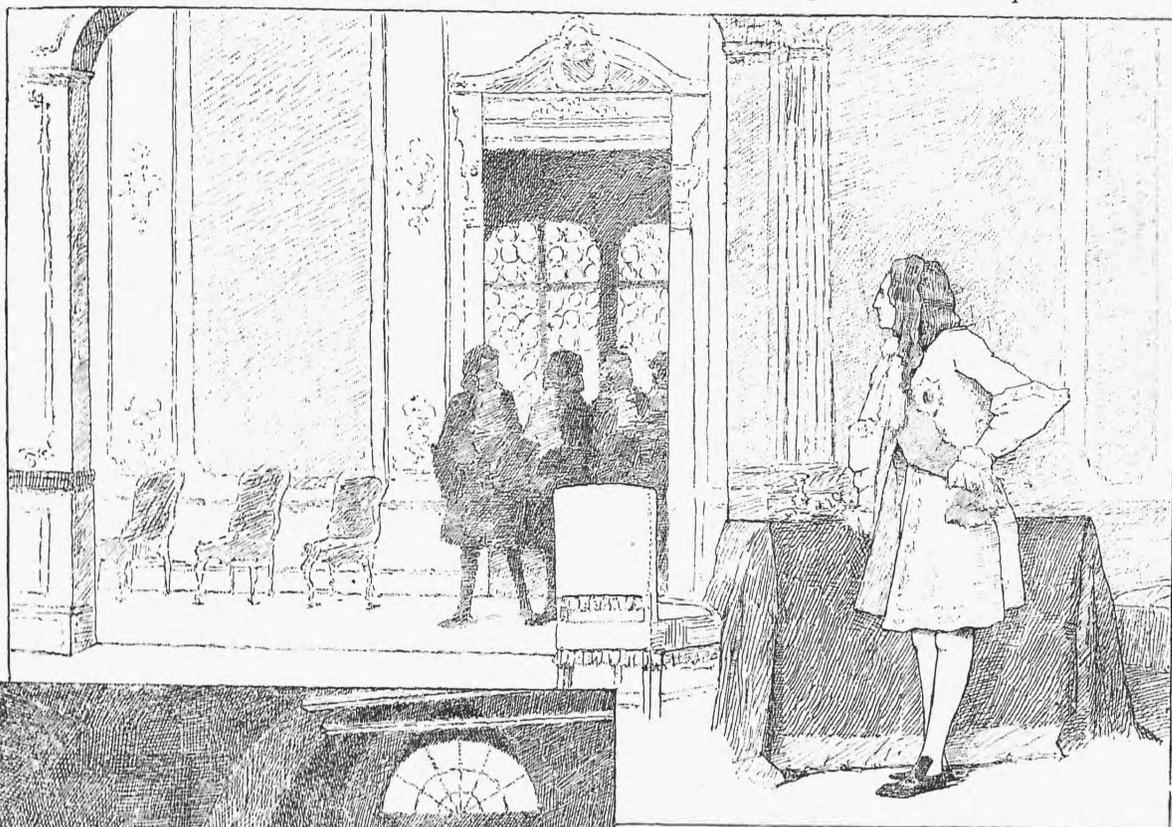
Рославской.

Остерманъ.

Головкинъ.

Рис. С. С. Соломко.

«БИРОНЪ» Н. А. Борисова на сценѣ Александринскаго театра.

3 картина.

6 картина.

Рис. А. Ростиславова.

глупѣть... Пристегиваніе исторіи къ банальной, ничтожной, пошлой интригѣ ведетъ къ совершенному извращенію исторической перспективы. Наполеонъ, читающій счета отъ прачки, хватающій за горло, въ присутствіи Катринъ графа Нейпера; Фуше, который тутъ же нюхаетъ табакъ и выживаетъ министра полиціи—все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ какой-то дурацкій колпакъ, напяленный на голову гигантовъ. Я не говорю, что у гигантовъ исторіи не было своихъ слабостей, своихъ человѣческихъ, мелкихъ обыденно-ничтожныхъ эпизодовъ! Я говорю лишь, что это развѣнчиваетъ исторію, сообщаетъ ей какой-то букетъ обыденщины и пошлости. Мы сростаемся съ историческими фигурами, и переносимъ на нихъ отъ счастья невыплаканную скорбь современности, всѣ неудовольствія чаянія настоящаго, всю незаполненную пустоту нашего разочарованія. И вдругъ, предъ нами жалкій анекдотъ, гдѣ великое не отдѣляется отъ смѣшного даже неуловимой чертой психологическаго подобія крайностей. Такой пошлый опытъ приспособленія исторіи къ мастерщинѣ

неуклюжаго сочинительства представляетъ „Измаиль“ г. Бухарина. Чѣмъ мизернѣе интрига, чѣмъ нелѣпѣе она придумана, тѣмъ обиднѣе за исторію, которая „оболванивается“ ради соответствія скучному вымыслу автора. Есть что-то нестерпимое для развитого чувства въ этой развязности автора, который соединяетъ сонный напитокъ, выпитый влюбленнымъ офицеромъ, еврея Попку, куртизанящую генеральшу и многое другое въ томъ же родѣ, съ исходомъ кампаніи и взятіемъ неприступной крѣпости. Бѣдная исторія, отданная въ безцеремонное владѣніе сочинителю! Она—что-то вродѣ мягкаго мѣсива, отливающагося въ ту самую форму, какая нужна автору, по его куриной интригѣ. И если это будетъ не сонный напитокъ, выпитый влюбленнымъ ординарцемъ, а какалянибудь блоха; укусившая не во-время героя пьесы—„исторія“, это безропотное и послушное мѣсиво, отчеканить фигуру блохи, съ тѣмъ же безстрастіемъ и автоматизмомъ.

Я написалъ все это, думая приступить къ разбору „Бирона“. Боюсь, что читатели поймутъ это, какъ желаніе бранить г. Борисова, автора этой пьесы. У меня нѣтъ этого намѣренія. Я нахожу, что г. Борисовъ гораздо честнѣе многихъ другихъ сочинителей, готовыхъ согнуть исторію въ бараній рогъ, ради торжества перваго любовника и первой актрисы. Интрига „Бирона“ занимаетъ планъ второстепенный и представляется въ нѣкоторыхъ чертахъ историческо-достоверной. Биронъ былъ извѣстенъ своею жадностью, и желаніе его женить сына на богатой наследницѣ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. За исключеніемъ одного-двухъ эпизодовъ, теченіе пьесы идетъ независимо отъ судьбы Бирона, занимающей первый планъ. Такимъ образомъ г. Борисовъ, заплативъ дань театральнѣ услов-

ности и сохранивъ романтическую интригу, успѣлъ избѣжать тривиальности. Какъ ни относятся къ труду г. Борисова, все-же нельзя отрицать, что онъ мѣтилъ себѣ задачу почтенную и интересную — создать драму Бирона, его личной судьбы, роковымъ образомъ поставленной въ связь съ русской исторіей.

Г. Борисову не только удалась эта задача, отчасти по недостатку силъ, частью же по винѣ неправильнаго историческаго взгляда на Бирона, усвоеннаго историческою наукою и нашимъ обществомъ. Биронъ — явленіе крупное и значительное. Въ одной газетѣ я встрѣтилъ сравненіе Бирона съ Макбетомъ. Откровенно говоря, не понимаю, въ чемъ тутъ сходство. Дѣло не въ Макбетѣ, а въ томъ, что Биронъ не могъ быть ничтожествомъ, какъ его рисуютъ мемуары. Нельзя предположить, чтобы ничтожество могло играть такую роль. Г. Борисовъ всецѣло примыкаетъ къ взгляду мемуаристовъ. Пьеса его раньше и называлась даже „Грозный шутъ“. Будто шутъ? Шутить гораздо многіе, но не всеѣмъ это, однако, удается, — тѣмъ болѣе шутить серьезныя историческія шутки. Примыкая къ такому взгляду, г. Борисовъ лишилъ Бирона характерныхъ свойствъ трагическаго лица. Биронъ, по положенію въ пьесѣ, сталъ тѣмъ-то вродѣ Оедора Іоанновича, лица не драматическаго, какъ его опредѣляетъ Алексѣй Толстой, между тѣмъ какъ вокругъ этого лица происходитъ ожесточенная борьба партій. Но и борьба эта только слегка намѣчена г. Борисовымъ. Совершенно не упоминаетъ Минихъ, совершенно непонятенъ Бестужевъ, одинокъ Головкинъ, представитель русской партіи и т. д. Биронъ — мелокъ въ изображеніи г. Борисова, и поэтому, думается мнѣ, пьеса утрачиваетъ значительную долю интереса. Совершенно случайно у Бирона срывается фраза, что онъ ведетъ Россію къ цивилизаціи. Полагаю, онъ не сболталъ эту фразу зря. Вѣроятно, онъ и думалъ такъ, и чувствовалъ, ибо что-нибудь же онъ думалъ и что-нибудь чувствовалъ, когда искалъ оправданія для своего властолюбія. Г. Борисовъ упрямно держится мнѣнія, что Биронъ былъ только недоразумѣнемъ. Онъ заставляетъ его даже разговаривать на какомъ-то нѣмецко-русскомъ волапоукѣ. Это совершенно вѣрно исторически, и несомнѣнно, что Биронъ выговаривалъ „луплю Россію“ вмѣсто „люблю“. Но этотъ жаргонъ окончательно умаляетъ историческія очертанія фигуры Бирона.

Считаю излишнимъ передавать содержимое пьесы г. Борисова. Читатели имѣли возможность ознакомиться съ ней. Пьеса поставлена роскошно. Соответственно съ манерой писать историческія пьесы, выработалась и манера постановки. Исторія является декорацией. Постановка является практическимъ воплощеніемъ этой декорации. Я не говорю уже о Шекспирѣ или Гюго. Даже у Дюма обстановка не играетъ значительной роли. Но отнимите у Сарду костюмъ директоріи — и посмотрите, что станется съ „Памелою“ или „Термидоромъ“. Вотъ ужъ подлинно можно сказать, что эти пьесы по платью встрѣчаютъ...

Мнѣ пришлось какъ-то выслушать мысль, что стремленіе къ зрѣлищу и виѣшнимъ эффектамъ совершенно убиваетъ художественный театръ. Заключать такъ — преждевременно. Post hoc не значитъ propter hoc. Зрѣлище не въ состояніи убить художественный интересъ, но зрѣлище исполняетъ, вѣрнѣе — старается восполнить отсутствіе художественнаго интереса. А онъ, какъ я выше пояснилъ, становится скуденъ, потому что повседневность пресытила насъ, а талантовъ, которые бы открыли новые источники настроеній и иначе освѣщали бы смыслъ жизни, что-то не видать. Зрѣлище является не при-

чиною, но послѣдствіемъ упадка, хотя, въ общемъ, не одинаково ли это грустно?

Упадокъ чувствовался и въ исполненіи „Бирона“. Оно было очень вялое. Темпераментъ какъ будто оскудѣлъ во веѣхъ этихъ Минихахъ, Бестужевыхъ, Остерманахъ и Головкиныхъ. Наоборотъ, г. Ге кипѣлъ темпераментомъ. Г. Ге игралъ прекрасно, но то именно, что сообщало его игрѣ такой огненный блескъ, находилось, быть можетъ, помимо сознанія автора, въ совершенномъ противорѣчій съ замысломъ пьесы. Г. Ге игралъ не жалкаго шута, брошеннаго судьбой въ водоворотъ событій, но, вопреки явному намѣренію автора, изображалъ изломанную, антипатичную, однако, все же героическую фигуру и являлъ собою рѣзкое, характерное пятно въ этой скучной толчѣ историческаго маскарада.

Нѣсколько оживляли исполненіе г. Юрьевъ — молодой Остерманъ, г. Варламовъ — князь Куракинъ и другіе. Г. Борисова много вызывали, и стало быть, публика оцѣнила усилія почтеннаго автора, тщательное изученіе источниковъ и его попытку — вывести на сцену одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ русской исторіи.

А. К—ель.

Изъ Москвы.

Я — въ большомъ долгу передъ „Театромъ и Искусствомъ“ и его читателями. Такъ сложились обстоятельства, что мои пьесы, въ которыхъ я собирался искуратно отражать нашу театральную жизнь въ крупнѣйшихъ ея проявленіяхъ, порядкомъ поотстали отъ фактовъ. Рядъ интереснѣйшихъ постановокъ, вродѣ „Сна въ дѣтнюю ночь“ въ Новомъ театрѣ или „Смерти Грознаго“ въ Художественно-общедоступномъ, остался даже неотмѣченнымъ. А жизнь, хотя и не Богъ знаетъ какъ прытко, идетъ своимъ чередомъ впередъ. Чтобы не дѣлать запаздыванія хроническимъ, затяжнымъ, я отказываюсь отъ намѣренія нагнать событія и, махнувъ пока рукою на пропущенное, стану прямо и constant театральныхъ новостей. А когда-нибудь, въ полосу загнинья, какими неизбежно переживаетъ периоды лихорадочной дѣятельности нашихъ сценъ, оглянусь, можетъ быть, назадъ и какъ-нибудь пополю пробѣду въ картинѣ московскаго драматическаго сезона.

К. Н. Рыбаковъ.

(Къ бенифису 29 октября).

На очереди событіе большой художественной важности, въ которомъ роль — звезда сезона, — чеховскій „Дядя Ваня“, который вслѣдствіе странной привередливости профессоровъ изъ литературно-театральнаго комитета, вмѣсто Малой сцены попалъ въ Художественно-общедоступный театръ. За эту привередливость комитетъ вы-

песъ уже достаточно упрековъ, и мнѣ не хочется множить ихъ число. Скажу только, что этотъ инцидентъ съ „Дядей Ваней“ окончательно подорвалъ комитетскій престижъ въ Москвѣ, и среди артистовъ, и въ обществахъ; въ близкихъ къ театру кругахъ почему-то даже уверены, что дни комитета сочтены, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ его видѣ, и что у Серебряковыхъ, какъ являть здѣсь, намекая на сходство съ однимъ изъ героев забракованнаго „Дяди Вани“,—будетъ скоро отнята возможность вершить судьбы репертуара.

Такъ-ли это, или не такъ, и не принимаются ли собственныя желанія за факты, — не съумѣю вамъ сказать. Я слишкомъ далеко отъ „правящихъ сферъ“. Комитетскій капризъ или недоразумѣніе дали въ руки Художественно-общедоступному театру лишній крупный козырь. Въ этомъ юномъ театрѣ, при всѣхъ его промахахъ, странностяхъ и заблужденіяхъ,—столько симпатичнаго, что упреchenію его положенію нельзя не сочувствовать. Въ постановкѣ „Дяди Вани“, какъ и въ прошлогодней постановкѣ „Чайки“, хотя и не все безупречно, а кое-что такъ и совсѣмъ нехорошо, однако, столько умнаго, красиваго, талантливаго, и, въ общемъ, пьеса такъ достойно воплощена на подмосткахъ, что это несомнѣнный крупный плюсъ въ неуспокоившемся еще балетѣ театра.

Нужно ли мнѣ подробно разсказывать и разбирать самую пьесу? Она напечатана уже года два назадъ, она часто идетъ въ провинціи, которая, привыкшая плестись всегда въ хвостѣ столичныхъ театровъ и ихъ репертуара, тутъ захватила голову и опередила насъ. Кто не видалъ „Дяди Вани“,—прочитайте его. Я долженъ откровенно покаяться, чтобы предупредить одинъ упрекъ: почти у каждого изъ насъ призрачившихся къ театру, живущихъ впечатлѣніями сцены чуть не въ такой же мѣрѣ, какъ впечатлѣніями жизни, есть своя излюбленная пьеса. Пусть другія и выше, и глубже, и сдѣланы съ болѣе строгимъ исполненіемъ всѣхъ требованій драматической архитектоники. Но она разъ полюбилась—и ей первое мѣсто въ нашихъ симпатіяхъ и увлеченіяхъ, она дорога даже со всѣми своими слабостями и недостатками. Тутъ то же, что относительно любимой женщины, которая не по-хорошему мила, а по-милу хороша.

Для меня такой возлюбленной пьесой является „Дядя Ваня“, какъ и вообще всѣ чеховскія трилогіи. Расписанное въ своемъ пристрастіи и, хочи-не хочи, должно дать увлеченію верхъ надъ голосомъ холодной оцѣнки. Вы скажете мнѣ напоминать давно знакомыя истины, что „драма“—отъ греческаго „drama“, и что слѣдовательно, безъ „дѣйствія“ нѣтъ драмы. Соглашусь. Чеховскія темы по общему обработаны въ пьесахъ между тѣмъ какъ онѣ прослѣдуютъ въ повѣсти и разсказѣ,—и съ этимъ соглашусь. Пожалуй, у Чехова и нѣтъ той „инишки“, которая отличаетъ драматурга, какъ быка—рога, а у Крылова и г. Невѣжина въ нее, въ эту самую „инишку“, недавно пушечную въ ходъ какими-то интэрвьюеромъ со словъ Григоревича—ушли оба мозговыхъ полушарія. И все-таки, этотъ порочный „Дядя Ваня“, который не въ ладу съ глаголомъ „drama“ и просится съ подмостковъ въ книгу повѣстей, мнѣ дорогъ, я буду смотреть его, когда угодно, и всегда съ наслажденіемъ, съ трепетомъ,—простите за наивную сентиментальность—съ еле сдерживаемыми слезами, и я отдамъ за его четыре коротенькихъ акта цѣлую хошепову программу. Сложенную изъ аккуратно, по всѣмъ правиламъ работанныхъ драмъ Шпаллинскихъ, Невѣжинскихъ, которыхъ ужъ, дѣйствительно, ни въ какую повѣсть не просятъ...

Я выше обмолвился — чеховская трилогія. Это не совсѣмъ обмолвка. Всѣ три крупныя пьесы Антона Чехова, „Ивановъ“, „Дядя Ваня“, „Чайка“ (таковы ихъ хронологическія порядки), совершенно самостоятельны и по сюжетамъ, и по лицамъ, въ моихъ глазахъ, тѣсно связаны куда болѣе прочно, хотя и не столь бросающагося въ глаза связью—единствомъ основнаго мотива, колорита и настроенія. Это—трилогія въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ее Зудерманъ въ своихъ „Могилѣ“ или молодой Шницлеръ въ своемъ повѣсти произведеніи, какъ и у Зудермана—изъ трехъ одноактныхъ пьесъ. Только у Чехова единство это куда сильнѣе и прочнѣе, не говоря уже о значительно болѣе широкомъ и глубинѣ темы, которая захватила самую

«ПЕЧАЛЬ». Мотивъ для плафона.

сердцевину нашей русской современности. Конечно, въ каждой пьесѣ есть и свои особыя мотивы, но они, на мой взглядъ, побочныя, не въ нихъ суть, не ими обозначается пьесамъ Чехова такой крупный интересъ и серьезное художественное значеніе. Значить слишкомъ обезцѣпывать эти произведенія—видѣть въ нихъ, какъ въ „Чайкѣ“—драму „невѣрнаго помѣщенія капитала своего сердца въ банкъ чужого существованія“, какъ можетъ быть и остроумно, но очень ужъ затѣйливо выражался объ этой пьесѣ въ полувѣчномъ письмѣ одинъ очень крупный нашъ дѣятель, юристъ по профессіи, антрепренеръ—по увлеченіямъ и симпатіямъ, или пародію на нашу декадентичную, или въ „Дядѣ Ванѣ“ — карикатуру на дутую самовлюбленную ученость и катедеръ-кригисанство. Въ эти струны, но онѣ лишь дополненія къ главному потоку, съ инропнымъ русломъ. Упала опонлившая жизнь, мучительная, неумѣлая и, конечно, безплодная усилія, протестъ, выродившійся въ ней въ брющжаніе, и оригинальность—въ чудачество,—вотъ темы всѣхъ трехъ пьесъ, темы расчлененныя, потому что одна родитъ другую. Тутъ крикѣлая цѣпь. И какъ результатъ всего этого „бытъ“—тоска, тупая, затянная; измочаленные нервы, доводящіе до вышашекъ безумія, до шальныхъ выстрѣловъ въ себя, въ другихъ, только бы разрядить напряженіе, разбить заколдованный кругъ; ненужное заѣданіе и своего, и чужого вѣка, вино, которое плохо пьянитъ, углубляя лишь тоску, и любовь, которая—лишь насмѣшка надъ любовью, потому что въ ней—ни вѣры, ни увлеченія, ни окрыляющихъ душу надеждъ, потому что жизнь—только судорожное цѣпчаніе за этотъ призракъ любви, какъ за послѣднюю соломинку. Я не pessimистъ, всѣмъ складомъ натуры и ума склонюся смотреть на жизнь оптимистически; думаю, что не угаея свѣтъ истинной жизни, никогда не угаеятъ, какія-бы ни сгушались сумерки, что придуть онѣ, бодрья, съ новыми жита колесницами, и двинуть впередъ трудъ засѣвающихъ робко крупницами. Можетъ быть, она уже есть, и ужъ „счастья зари запылаеетъ“... Но приходится сознаться въ правдѣ. То, что нарисовано Чеховымъ въ его трехъ пьесахъ, и этотъ строй жизни, отношеній, по-ступковъ, и эти надломленные, исходящіе то жалбы, то тоскою Ивановы, Трепелвы, Тригоринны, дяди Вани, Астровы, всѣ съ расколосившаяся душою, безильною дать счастье, сознание своей правоты предъ закономъ жизни—да развѣ это не та дѣйствительность, что кругомъ насъ? Развѣ это не мы, не тѣ, въ чьемъ обществѣ протекаютъ наши дни, и столкновеніями которыхъ создается почти всл паша невеселая современность. „Хмурые люди“, ставитъ

Чеховъ въ заглавіи одной книжки своихъ разсказовъ „*l'homme qui a voulu*“, говоритъ оиѣ устами Сорина въ „Чайкѣ“ „нормальнымъ состояніемъ стало безуміе“. срывается ужасный афоризмъ у Астрова въ „Дядѣ Ванѣ“. Все — эпитографы къ любой изъ драмъ этого чуткаго автора. Вотъ вообще содержание чеховскихъ пьесъ, — сѣрыя, сумеречныя будни. Онъ выбираетъ для нихъ обстановку провинціального захолустья, деревенскаго медвѣжьяго угла, потому что тутъ картина еще полнѣе и цѣльнѣе, меньше скрыта сущность; гдѣтъ обманчивой пестроты и шумихи крупнаго центра, гдѣ на людяхъ плотнѣе сидитъ маска, и глубже сокрыта подоплека. Художникъ въ правѣ выбирать для своей темы наиболѣе выгодныя условія. Но не нужно большой прозорливости, чтобы увидать, что рамки картины легко раздѣть въ стороны. Тригорины и Серебряковы — простые люди въ медвѣжьемъ углу, взяты изъ словъ, казалось бы, наиболѣе контрастирующихъ ему. Но есть ли разница по существу? Не достигаютъ-ли въ нихъ эти самыя будни своего апогеоза? Они нужны Чехову, чтобы, подобно брошенному камню, взбаломутить стоячую воду и помочь ей выростить на поверхность всю тайну. Они — дружныя пьесы. Но они же и показатели того, что „сцены деревенской жизни“ легко поддаются обобщенію въ „сцены русской жизни“... Я не очень настаиваю на этой мысли; можетъ быть, сочиняю за автора. Но иначе я не берусь объяснить, почему же такъ сходна внѣшняя структура и „Чайки“ и „Дяди Вани“; почему Чехову нужно повторять все тотъ же приемъ — прїѣздъ столичныхъ гостей, и почему нужно ему привозить то писателя съ громкимъ именемъ, то профессора съ высокими учеными степенями и длинными учеными формуларомъ.

Сюжетъ картины не даетъ простора краскамъ, обязываетъ держаться сѣрыхъ тоновъ, и за это Чехова обвиняютъ въ монотонности; тутъ гдѣтъ мѣстакркимъ по внѣшности фигурамъ, сильными движеніямъ, могучимъ взрывамъ страстей. Музыка по необходимости идетъ подъ сурдинку. Люди не живутъ — тянутъ жизнь. А когда имъ, отучившимся отъ бѣды, вдругъ хочется встряхнуться, вскинуть — получается только сумбуръ. И этотъ сумбуръ ставятъ опять въ вину автору. Поступки его персонажей лишены достаточныхъ основаній, не мотивированы, непослѣдовательны. Это былъ бы очень основательный упрекъ; да гдѣ-то въ томъ, что признаки всей этой жизни — недоразумѣніе, что всѣ эти люди съ душевнымъ надрывомъ, что сумбуръ — характернѣйшій признакъ всего ихъ житья-бытья. И кто судить по другой логикѣ, чья мысль привыкла идти по проторенной тропочкѣ, можетъ разбить Чехова въдребезги и поблдонно объяснить и самую пьесу недоразумѣніемъ и сумбуромъ. У выстрѣла дяди Вани гдѣтъ достаточныхъ основаній, пошлое обращеніе Астрова съ Серебряковой (повторяю, я предполагаю содержаніе „Дяди Вани“ извѣстнымъ и потому ограничиваюсь лишь общимъ напомнаніемъ нужныхъ мѣстъ сценъ) — не естественно и не является съ умомъ и натурою этого „дѣшаго“, у самопожертвованія Сони гдѣтъ почвы, и т. д. Такая критика легка... Но смотришь или читаешь пьесу — и въ голову не приходитъ искать эти достаточныя основанія, потому что правда прямо чувствуется, подчиняетъ себя. Дынешь тѣмъ же воздухомъ, что эти хмурые, надорванные люди, — а въ этой атмосферѣ только такія поступки и возможны, только такъ они и совершаются...

Я невольно подошелъ къ другой характерной особенности чеховскихъ пьесъ, къ тому, что можно назвать его манерою. Чтобы понимать ихъ, надо быть втянутымъ въ ихъ атмосферу. Со стороны смотрѣть нельзя. Зритель долженъ жить всецѣло настроеніями — авторъ умѣетъ этого добиться. Дамы Чехова — пьесы настроенія прежде всего. Но онъ далекъ отъ ухищреній декадентовъ и символистовъ, ему не нужны какіе-то особые кадансы, повтореніе тѣхъ же словъ, искусственный туманъ, дающіе настроеніе „жизни“ какъ будто въ гипнозѣ. Онъ остается вѣрнымъ ученикомъ своихъ великихъ учениковъ-реалистовъ, не нарушая основной традиціи нашего художественнаго слова. Но онъ умѣетъ выбирать детали, умѣетъ группировать ихъ такъ, что онѣ даютъ требуемое душевное состояніе. Для чего другимъ приходится прибѣгать къ средствамъ искусственнымъ, къ приемамъ, позаимствованнымъ у музыки, — того Чеховъ достигаетъ при помощи обычныхъ средствъ художественнаго слова.

Изъ того, что я говорилъ, ясно, что и въ исполненіи этой пьесы меня интересуетъ прежде всего не изображеніе того или иного лица, не игра того или иного актера, а сохраненіе и на сценѣ „чеховскаго настроенія“. Если оно не ослаблено, а усилено, сдѣлаю еще болѣе сильнымъ и заразительнымъ, — инсценировка пьесы пришла автору на помощь и, сдѣловательно, хороша. Художественный театръ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи очень много. Его режиссеры и актеры прекрасно поняли, въ чемъ сила пьесы и ея главный смыслъ и прелесть, и все сознательно направляется къ достиженію возможно полнаго эффекта въ этомъ

направленіи. И декорации, и режиссерская *mise en scène*, и тонъ игры большинства исполнителей пропитаны этимъ взглядомъ и почти на всемъ протяженіи пьесы достигаютъ великолепнаго цѣли. Зритель во власти пьесы. Досадно только, что кое-гдѣ, и иногда въ моментахъ важныхъ, постановка вдругъ сбивается съ пути. Такъ въ финалѣ 2-го акта, по настроенію у Чехова — особенно сильный, а въ художественномъ театрѣ — особенно слабый, и финалѣ 3-го, гдѣ почему-то понадобилось заставить всѣхъ на сценѣ забиться въ шумной истерикѣ, и поднялся, прежде грубое слово, — настоящій гвалтъ. Впрочемъ, это обычный грѣхъ этого театра — страсть къ большому шуму... Я, сознаюсь, здѣсь совѣтъ растерялся, и сразу оборвался всѣмъ шипъ, крупно связывавшій меня съ происходившимъ на сценѣ. Та же излишняя крикливость и экспансивность въ сценѣ примиренія Сони съ мачехой, и, пожалуй, очень многимъ она оказалась не только лживой, но и смѣшной, что совѣтъ не входило въ расчетъ автора. Тутъ вина не исполнителей, а того, кто ставилъ пьесу. Это — ошибка въ тонкой, хрупкой пьесѣ, какъ „Дядя Ваня“, — очень грубая, и я никакъ не пойму, какимъ образомъ, такіе чуткіе режиссеры, сдѣлавшіе пьесѣ гдѣсь несколько генеральныхъ рецензій, не замѣтили, что тутъ круто свернули въ сторону и измѣнили своему вѣрному плану. Были и еще недочеты помельче, но объ нихъ, какъ и объ очень многихъ удачныхъ деталяхъ говорить не приходится. Въ режиссерскомъ отношеніи много удачнѣе мало благодарный вступительный актъ, гдѣ гдѣсь сколько хорошихъ повнествъ въ планировка сценъ, въ томъ, что за кулисами зовутъ „мѣстами“, и особенно послѣдній, гдѣ настроеніе выдержано великолепно, гдѣтъ лишняго штриха, ни одной хитрой заги, которыми подчасъ сильно грѣшатъ въ этомъ театрѣ, и всѣ мелочи подобраны такъ, что цѣлое — безукоризненное. Въ общемъ, во всякомъ случаѣ, это былъ Чеховъ, не транспроированный а *la* Невѣжинъ, какъ это было, говоритъ, съ „Чайкой“ на вашей Александринской сценѣ, а это — главное.

Надо бы дать отчетъ объ отдѣльныхъ исполнителяхъ, изъ которыхъ гдѣкоторые дѣлали свое дѣло очень хорошо, гдѣкоторые — послабѣе. Но письмо переросло мѣру, и я пока ограничусь этимъ общимъ замѣчаніемъ. Не могу только не отмѣтить г-жу Лилину — Сони, которая всю роль провела съ поразительной правдою и простотою, а послѣдній монологъ произвела исключительно, неизгладимое впечатлѣніе, — столько было въ немъ глубокаго, сосредоточеннаго горя и вмѣстѣ, лучезарной красоты. Этотъ монологъ, который безкусные люди находят и длиннымъ, и сентиментальнымъ, и неправдивымъ, чуть-что по глумить, кажется мнѣ спомомъ яркихъ солнечныхъ лучей, вдругъ ворвавшихся въ кромѣшную тьму. И отъ передачи г-жи Лилиной такое впечатлѣніе только еще усилилось, и было на душѣ и мучительно и сладко отъ этого безнадежнаго угнѣненія, что пройдетъ пора, „мы отдохнемъ“, тамъ далеко, за предѣлами многогрѣшной и многострадальной земли. Я не могу сказать, большая ли это артистка. Можетъ быть, тутъ только счастливое совпаденіе личныхъ данныхъ и настроеній съ требованіемъ роли. Но эта роль лучшей исполнительницы врядъ-ли дождется, по крайней мѣрѣ въ финальномъ аккордѣ роли, который закапчиваетъ и всю пьесу.

Старикъ.

ЧЕРНЫЙ ТРАГИКЪ.

(Изъ записной книжки).

(Окончаніе *).

На слѣдующій день былъ назначенъ „Шейлокъ“, который прошелъ съ тѣмъ же успѣхомъ и съ тѣми же повтореніями различныхъ недоразумѣній, увеселившихъ ярмарочныхъ зрителей. Въ этотъ разъ оаціи были еще болѣе бурными и торжественными, благодаря чествованію двадцатипяти-лѣтняго юбилея Василія Андреевича. По окончаніи спектакля на сценѣ былъ сервированъ ужинъ, къ которому былъ приглашенъ и Ольдридждъ. Всѣ размѣстились за длиннымъ столомъ, на которомъ горами были поставлены всевозможныя закуски: стерляди, осетрина, утки, гуся, жареные и вареные поросляты подъ хрѣномъ и цѣлыя батареи водокъ и винъ.

Василій Андреевичъ, расположившись, какъ и подобаетъ юбиляру, на почетномъ мѣстѣ, справа посадилъ рядомъ съ собою Ольдриджда, котораго все-

* См. №№ 42 и 43.

время немилосердно угощать, то и дѣло чокался, пилъ почти исключительно за его здоровье, цѣловался, провозглашалъ тосты, говорилъ несвязныя рѣчи, въ родѣ слѣдующей:

— Вотъ онъ черный, потому что... да... милостивые государи и милостивыя государыни... но это ничего не значить... потому что... да... да...— при этомъ онъ вспомнилъ о Буйнсовѣ и продолжалъ, — бывають бѣлыя свиньи хуже черныхъ, потому что... да...

Говоря, это, онъ все время указывалъ на негра, а тотъ, оскалившись, добродушно повторялъ:— „Yes, yes“, и указывалъ въ свою очередь на Василя Андреевича. Каждый тостъ покрывалъ, помѣстившійся въ глубинѣ сцены, изрядно подвыпившій оркестръ громкимъ тушемъ при троекратномъ выкрикиваньи дирижеромъ „ура!“

Ольдриджъ, продолжая свою рѣчь, все болѣе и болѣе воодушевлялся, говоря о святомъ назначеніи искусства, объединяющаго всѣ народы. Перейдя къ своему великому учителю Шекспиру, онъ сталъ перечислять благородные образы, созданные великимъ поэтомъ, и, въ экстазѣ все болѣе и болѣе возвышая голосъ, воскликнулъ между прочимъ:

— Дездемона, Брабанціо!

Не успѣлъ онъ произнести имя Брабанціо, какъ изъ глубины сцены выступилъ съ громадной дубяной пьяный Буйнсовъ и, ставъ въ вызывающую позицію, проревѣлъ:

— Я здѣсь, арабская твоя рожа, выходи!

Всѣ бросились къ Буйнсову и мгновенно скрыли его. Ольдриджъ, воспользовавшись благоприятнымъ случаемъ избавиться отъ непривычныхъ угощеній, поторопился уѣхать домой. Прерванное на нѣсколько

«БИРОНЪ» Н. А. Борисова на сценѣ Александринскаго театра.

Картина 6.

Биронъ въ караульной комнатѣ.

Рис. С. С. Соломко.

Наконецъ, Ольдриджъ, поднявшись съ своего мѣста, началъ спичъ на англійскомъ языкѣ, пригласивъ секретаря переводить его содержаніе. Между прочимъ, онъ говорилъ, что очень польщенъ общимъ вниманіемъ публики и сердечнымъ отношеніемъ товарищей, что весьма счастливъ провести время въ своей артистической семьѣ, за русскимъ радушнымъ гостеприимнымъ столомъ, выразилъ сожалѣніе, что онъ невольная причина тому, что одинъ изъ членовъ этой благородной семьи отсутствуетъ и не можетъ раздѣлить съ ними ихъ веселья.

Надо замѣтить, что Ольдриджъ, каждый разъ приходивъ въ театръ, справлялся о Брабанціо:

— Where is Brabantio?.. Дѣ Брабанціо?!

Думая, что онъ хочетъ учинить съ нимъ расправу, отвѣчали, что его нѣтъ. И дѣйствительно, несчастный Буйнсовъ, будучи предупрежденъ товарищами, что Ольдриджъ его постоянно спрашиваетъ, боялся показаться въ театръ, — такъ что благодаря злополучному эпизоду въ „Отелло“, онъ лишился послѣднихъ двугривенныхъ, дававшихся ему на пропитаніе.

минуть юбилейное торжество продолжалось всю ночь. Восходъ солнца озарилъ испитыя, пьяныя лица пировавшихъ и еще долго, вѣроятно, пировавшихъ бы, если бы не поразило всѣхъ, какъ громомъ, неожиданное извѣстіе о смерти Ольдриджа и не заставило бы гостей бѣжать, куда попало. Всѣ думали, что онъ умеръ отъ холеры, бывшей въ то время въ Рыбинскѣ.

На самомъ же дѣлѣ Ольдриджъ не умеръ, а къ разсвѣту почувствовалъ сильныя боли въ желудкѣ; затѣмъ, пока секретарь бѣгалъ за докторомъ, съ Ольдриджемъ начались такія спазмы и судороги, что стоны больного оглашали не только зданіе гостиницы, но и площадь. Въ гостиницѣ всѣ вполостились, не зная чѣмъ помочь страшному арабу, катавшемуся по полу въ одной ночной сорочкѣ, подбѣгали къ дверямъ, топтались на мѣстѣ, не рѣшаясь войти въ номеръ. Наконецъ, все смолкло. Негръ лежалъ неподвижно посреди комнаты, съ пѣной у рта, крѣпко стиснувши зубы и раскинувши безпомощно руки съ судорожно скорченными пальцами. Въ одно мгновеніе разнесся слухъ, что арабъ

скончался, и въсть эта достигла Василія Андреевича, уже покойно почивавшаго послѣ юбилейнаго возліанія, окруженнаго различными подношеніями, въ видѣ кубковъ, чайныхъ сервизовъ, адресовъ и прочихъ принадлежностей, обыкновенно подносимыхъ въ подобныхъ случаяхъ.

Братъ Константинъ вбѣжалъ въ спальню Василія Андреевича, куда онъ одинъ имѣлъ право входить во всякое время и даже имѣлъ и запасный ключъ отъ его квартиры, и закричалъ:

— Братъ Василій, вставай, значить... арапъ умеръ... значить...

Василій Андреевичъ вскочилъ, растерянно схватилъ чайный сервизъ и хотѣлъ бѣжать, но братъ Константинъ, оставивъ его, разъяснилъ, въ чемъ дѣло, и, наскоро одѣвши, потащилъ за собою въ гостиницу.

У номера попрежнему стояла толпа слугъ и жильцовъ. Василій Андреевичъ безстрашно отворилъ дверь и засталъ Ольдриджа уже лежащимъ ничкомъ на постели, держащимъ въ зубахъ подушку и тяжело дышащимъ. Василій Андреевичъ осторожно подошелъ къ нему и тихо заговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Господинъ Ольдриджъ, что съ вами? Я... я... я... узналъ, что вы умерли, потому что... да... да... что съ вами? скажите...

Ольдриджъ, оторвавшись отъ подушки и увидавъ Смирнова, порывисто вскочилъ съ постели съ поднятыми кулаками, что-то прокричалъ, ткнулъ пальцемъ въ Василія Андреевича, схватился за животъ, сталъ бѣгать по комнатѣ и кричать не своимъ голосомъ, подражая поросенку:

— Кюи... кюи... кюи...

Василій Андреевичъ выскочилъ изъ номера съ крикомъ:

— Батюшки!... съ ума сошелъ! Съ ума сошелъ, — повторялъ онъ, расталкивая толпу, пробираясь къ выходу.

Прибѣжавъ домой, онъ обвязалъ себѣ голову мокрымъ полотенцемъ и въ отчаяніи бросился на постель.

Къ вечеру на подъѣздѣ театра былъ вывѣшенъ аншлагъ, извѣщавшій о внезапной болѣзни Ольдриджа, обѣ отмѣнѣ „Лира“, вмѣсто котораго дана будетъ извѣстная мелодрама „Живая покойница“. Многие изъ публики, конечно, вернули билеты обратно.

Ольдриджъ, обѣвшійся поросенкомъ, скоро поправился и на другой же день выѣхалъ изъ гостеприимнаго Рыбинска, но коленкоровый транспарантъ, съ чортомъ, душившимъ въ дѣму, Василій Андреевичъ хранилъ въ своей собственной квартирѣ, какъ драгоценное воспоминаніе, по его словамъ, ихъ дружбы съ знаменитымъ трагикомъ Ольдриджемъ, при чемъ онъ всегда рассказывалъ, что они оба родились въ одинъ годъ...

— И даже въ одинъ день, — прибавлялъ онъ въ восторженномъ умиленіи, — потому что... да... да...

В. Далматовъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Однимъ изъ «гвоздей» предстоящей парижской выставки будетъ «мареорама», теперь уже возбуждающая любопытство парижанъ и воспѣваемая въ «Обозрѣніяхъ». Это интересное изобрѣтеніе принадлежитъ нѣкому г. Уго д'Алеви, до настоящаго времени рисовавшему театральныя афиши, рисунки для книжныхъ, журнальныхъ и нотныхъ обложекъ и красивые пейзажи на росписаніяхъ желѣзныхъ дорогъ съ рекламами.

Мареорама это не только панорама береговъ Средиземнаго моря, но какъ бы цѣлое путешествіе вдоль этихъ береговъ. Публика будетъ помѣщаться на настоящей парходной палубѣ, которая особымъ механизмомъ будетъ приводиться въ

колебаніе. Такимъ образомъ публика получитъ впечатлѣніе качки. Матросы будутъ исполнять всѣ нужные маневры, труппы, направленные на пассажировъ, будутъ облавать ихъ морскимъ вѣтромъ, т. е. токомъ свѣжаго воздуха, пропущеннаго сквозь слои водорослей, а по обѣ стороны будутъ развертываться огромныя картины, длиною въ 1000 и вышиною въ 15 метровъ, на которыхъ одинъ за другимъ будутъ появляться Тунисъ, Неаполь, Венеція, Константинополь.

Итакъ, удобно усявшись въ креслѣ, зритель будетъ испытывать всѣ удовольствія морскаго путешествія; онъ будетъ встрѣчать на своемъ пути рыбачьи лодки, пароходы и т. п.; время отъ времени надъ пароходомъ пронесется буря; въ звѣздную ночь перелѣ глазами зрителя появится ярко освѣщенная Венеція и послышатся пѣсни гондольеровъ; а на разсвѣтъ въ лучахъ восходящаго солнца откроется великолѣпная панорама Константинополя...

Зданіе мареорама въ восточномъ стилѣ, съ обширной террасой, строится недалеко отъ Эйфелевой башни, на углу проспекта Сюффренъ и набережной Орсе. Палуба парохода, на которой будутъ помѣщаться зрители, будетъ имѣть около 18 сажень длины и 5 ширины.

Не меньшимъ успѣхомъ на той же выставкѣ, вѣроятно, будетъ пользоваться гигантскій театръ «Колумбія», дѣйствующій уже и теперь. Директоромъ этого театра состоитъ Боллоси Киральфи, извѣстный въ Европѣ и Америкѣ. Онъ родился въ Будапештѣ въ 1849 году и четырехъ лѣтъ впервые выступилъ на театральныхъ подмосткахъ. Позднѣе онъ игралъ на сценахъ многихъ европейскихъ театровъ и пользовался успѣхомъ, который былъ особенно значителенъ, когда онъ сыгралъ главную роль въ пьесѣ «Degel» на сценѣ парижскаго театра Déjazet. Теофиль Готье отнесся къ нему сочувственно, а публика всякій вечеръ выражала ему свои симпатіи шумными аплодисментами и вызовами. Такимъ образомъ карьера была сдѣлана и онъ могъ бы не беспокоиться о будущемъ. Но въ одинъ прекрасный день Киральфи взялъ и уѣхалъ изъ Парижа въ Америку, гдѣ и прославился въ качествѣ директора театра и композитора многихъ балетовъ и феерій.

Киральфи нанялъ огромное количество фигурантовъ и актеровъ, одѣлъ ихъ въ самые фантастическіе костюмы, какихъ навѣрное никто и никогда не носилъ, перепуталъ пѣніе и мимику, выпустилъ на сцену шутовъ, акробатовъ, наѣздницъ и, наконецъ, цѣлый звѣринецъ, вполне угодивъ вкусамъ американцевъ, которые каждый вечеръ ломались въ этотъ оригинальный театръ. Первою пьесой въ этомъ родѣ была «Царь Соломонъ»; эта пьеса пользовалась необычайнымъ успѣхомъ и положила не мало долларовъ въ карманъ ловкаго предпринимателя.

Достаточно поживившись на счетъ американцевъ, Киральфи перекочевалъ въ Старый Свѣтъ съ репертуаромъ, состоящимъ всего изъ двухъ пьесъ: «Константинополь» и «Востокъ». Сначала онъ появился съ этими пьесами въ лондонскомъ театрѣ «Олимпія», а теперь въ Парижѣ.

Музыка къ этимъ балетамъ-фееріямъ написана довольно извѣстнымъ современнымъ италіанскимъ композиторомъ Паоло Гюрца.

Ю. М.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

НОВОЧЕРКАССКЪ. «Драматическая» часть труппы, составленной С. И. Крыловымъ для Новочеркасска, открыла зимній сезонъ 19-го сентября и по 8 октября поставила 12 спектаклей, а затѣмъ драмы и комедіи стали чередоваться съ оперетками. Даны были въ порядкѣ ихъ постановки слѣдующія пьесы: «Джентльмень», «Рабы золотая», «Вицъ-мундиръ», «Лѣсъ», «Мужъ знаменитости» и «Съѣхались», перепутались и развѣхались», «Уриель Аюста» и «А. и Ф.», «Волки и овцы», «Казнь» и «Дорогой поцѣлуй», «Смерть Іоанна Грознаго», «Еддоръ Іоанновичъ» (2 раза сряду), «Слѣдователь» и «На пескахъ», «Продавецъ птицъ», «Еддоръ Іоанновичъ» (въ 3-й разъ), «Красное солнышко», «Честь», «Далила» и «Затѣйница», «Хаджи-Муратъ», «Мартинъ-рудокопъ», «Заза», «Особое порученіе» и «По старымъ ролямъ».

Спектакли, въ общемъ, посѣщаются вдоволь наскучившейся въ теченіе лѣтнаго сезона, публикой весьма исправно, такъ что антрепренеръ за первый мѣсяцъ, противъ всякаго ожиданія и вопреки примѣру прошлыхъ лѣтъ, далеко не остался въ убыткѣ.

Обратимся къ исполнителямъ.

Самымъ «первымъ премьеромъ» труппы, къ сожалѣнію, является режиссеръ труппы г. Звѣздичъ, дебютировавшій въ первомъ же спектаклѣ въ роли Ларіона Рыдлова, участвующій въ каждомъ спектаклѣ и исполняющій всякія роли, не исключая ролей салоннаго любовника. Г. Звѣз-

дичь безспорно хорошей, опытный артистъ и многія роли сыгралъ прекрасно; но какой же онъ салонный любовникъ?! Да и удобно ли режиссеру постоянно являться въ самыхъ отвѣтственныхъ роляхъ?!

Г. Двинскій, нашъ первый любовникъ и герой, принятъ былъ какъ публикой, такъ и въ особенности мѣстной прессой, очень холодно, чуть не враждебно; но понемногу начинаетъ привлекать къ себѣ симпатіи постоянныхъ посѣтителей театра серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, искренностью тона и вообще, прекрасной дикціей. Особенно же впечатлѣніе произвелъ онъ на публику исполненіемъ роли царя Эдвора Иоанновича.

Артиста на амплу вторыхъ любовниковъ, а также и протака—въ труппѣ не имѣется, и роли эти съ грѣхомъ пополамъ исполняетъ г. Минаевъ. За то комикъ у насъ прекрасный—г. Неждановъ. Этотъ артистъ сразу, съ перваго же выхода сдѣлался любимцемъ публики, являясь во всѣхъ своихъ роляхъ чрезвычайно типичнымъ и необыкновенно забавнымъ.

Г. Дубецкій, какъ и въ прошломъ сезонѣ, пользуется успѣхомъ въ роляхъ фатовъ.

Въ опереткѣ первенствуетъ г. Форесто, въ высшей степени умѣло извлекающая все возможное изъ остатковъ своего нѣкогда отличнаго баритона. Играть онъ живо, весело, и игрой своей, несмотря на некрасивую манеру, постоянно засовывать руки въ карманы, съ успѣхомъ возмѣщаетъ кое-какіе дефекты въ голосѣ. Первый теноръ г. Чабанъ, какъ и въ прошломъ сезонѣ, поетъ очень музыкально, играетъ же нѣсколько вяло. Первый комикъ оперетки г. Туманскій замѣстилъ, но далеко не вполне замѣнилъ бывшаго любимаца нашей публики г. Брянскаго, хотя въ роляхъ герцога Лорана, Ивана и Давыдки достаточно смѣшилъ и потѣшилъ почтенную публику. Объ остальныхъ артистахъ я пока не скажу ни слова.

Обращаясь къ женскому персоналу, прежде всего замѣчу, что г. Крылову какъ-то удается находить очень хорошихъ артистокъ на первыя роли. Г-жа Рахманова въ прошломъ сезонѣ съ честью, хотя ей и пришлось выступать непосредственно послѣ г-жи Холмской, вынесла на своихъ плечахъ весь репертуаръ. Теперь же г-жа Андросова сразу завоевала симпатіи нашей публики и пользуется крупнымъ успѣхомъ, несмотря на свой слишкомъ слабый голосъ, даже и для нашего маленькаго театра. Эта артистка уже имѣетъ и вещественныя доказательства симпатій нашей публики: первый же ея бенефисъ (19 октября) привлекъ массу публики въ театръ и сопровождался поднесеніемъ ей цвѣтговъ и цѣннаго подарка. Положимъ, въ небываломъ наплывѣ публики въ театръ (не достаю билетовъ, хотя продавались мѣста даже въ оркестрѣ), первенствующую роль играла не сама бенефициантка, а избранная ею пѣска, пресловутая «Заза», никогда у насъ дотолѣ не игранная, но умѣло рекламированная и стяжавшая уже громкую извѣстность, какъ нѣчто изъ ряду вонъ выходящее по своей изысканности... Но какъ бы ни было, роль «Заза» г-жа Андросова исполнила очень хорошо, въ высшей степени правдиво и въ то же время отнюдь не выходя изъ границъ приличія, насколько лишь это было возможно при добросовѣстномъ выполненіи всѣхъ ремарокъ авторовъ, преподнесшихъ публикѣ съ полнымъ реализмомъ интимную жизнь кафешантанной пѣвицы.

Достойнымъ партнеромъ г-жи Андросовой на этотъ разъ былъ г. Дубецкій, оказавшійся со своимъ гардеробомъ всѣхъ цвѣтговъ радуги какъ разъ на своемъ мѣстѣ въ роли Каскара. Они даже какой-то кафешантанный дуэтъ исполнили, да какъ исполнили!

Хорошъ былъ г. Неждановъ въ роли Малардо и очень недурна г-жа Разсказова (Анаисъ). Отлично сыграла роль «Тото» какая-то дѣвочка лѣтъ 6—7. Обставлена была пѣска прекрасно.

Объ остальныхъ, новыхъ для Новочеркасска, артистахъ отзывъ свой я отложу до слѣдующей корреспонденціи, такъ какъ боюсь ошибиться и... въ невыгодную для нихъ сторону. Я, по крайней мѣрѣ; пока не вижу въ нашей труппѣ ни ingénue-dramatique, ни ingénue comique; не видѣлъ еще ни разу общанной grande-dame (или grande-soquette?) Тарской; не слышалъ лирической пѣвицы въ опереткѣ... Словомъ, писать мнѣ пока больше не о комъ.

Матовъ.

ВИЛЬНА. Въ теченіи перваго мѣсяца со дня открытія сезона (19 сентября) поставлены: «Плоды просвѣщенія» (2 раза), «Лѣсъ» (3 раза), «Гувернеръ», «Блестящая карьера», «Два подростка», «Сердце не камень» (2 раза), «Сверчокъ», «Золотая Ева» (2 раза), «Братья Ранцау» (2 раза), «Въ гостиницѣ Бѣлаго Коня» (2 раза), «Гроза», Трилогія Толстого (2 раза) и «Преступница».

Обстановочная часть въ пѣскахъ превосходна; умѣло, любовное и крайне добросовѣстное отношеніе г. Незлобина къ театральному дѣлу сказывается во всемъ; онъ не останавливается и передъ громадными денежными затратами на приобретение новыхъ декораций, дорогихъ костюмовъ и проч. Труппа состоитъ изъ 46 человекъ, въ составъ ея въ этомъ сезонѣ вошли новыя силы: гг. Невѣровъ, Рѣшимовъ (послѣдній подлѣ предлогомъ устройства личныхъ дѣлъ покинулъ труппу послѣ втораго спектакля и перешелъ въ Виленскій народный театръ

режиссеромъ, взявши предварительно у г. Незлобина авансомъ приличную сумму денегъ), Мурскій, Загаровъ, Буренинъ и Эспе, г-жи Марина, Васильчикова, Трубецкая и Ашанина. Театръ публикою посѣщается хуже, чѣмъ въ прошломъ году, это объясняется отчасти открытіемъ дешеваго общедоступнаго театра (въ манежѣ), на который публика, какъ на новинку, накинута, но вѣроятно послѣдуетъ скорое разочарованіе, такъ какъ въ этомъ театрѣ лучшія драматическія произведенія приобрѣтаютъ балаганный характеръ.

Трилогія Толстого, обставленная во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно, займетъ, повидимому, одно изъ первыхъ мѣстъ въ репертуарѣ нынѣшняго сезона. Выдающимся и вполне заслуженнымъ успѣхомъ въ «Царѣ Эддорѣ Иоанновичѣ» пользуется молодой артистъ г. Гедике въ заглавной роли. Успѣхъ г. Гедике въ «Эддорѣ Иоанновичѣ» раздѣляла молодая артистка г-жа Пшесецкая (Ирина).

Хорошее впечатлѣніе произвела г-жа Пшесецкая въ «Сверчокѣ», и въ роли Аксюши въ «Лѣсѣ». Въ «Смерти Иоанна Грознаго» выступали по очереди гг. Норинъ и Нероновъ, оба были не дурны въ этой роли, но у каждаго изъ нихъ были недочеты, у перваго въ голосѣ много добродушія, а другой съ недостаточной экспрессіей ведетъ нѣкоторыя бурныя сцены. Г. Незлобинъ въ этомъ сезонѣ сыгралъ одинъ разъ Бориса Годунова и съ ролью справился не дурно. Въ роли Бориса Годунова дублировалъ г. Добровольскій, но безуспѣшно. Г. Добровольскій—артистъ опытный, красивой внѣшности, съ хорошими манерами, но холодный. Фатовъ же г. Добровольскій играетъ хорошо, какъ и жеппе comique, въ чемъ мы убѣдились по прекрасному исполненію роли въ «Золотой Евѣ». Г-жа Лермина (героиня), весьма полезная артистка для салоннаго репертуара, роли же сильно драматическія и бытовыя ей не подлѣ силу. Въ прошломъ сезонѣ г-жа Лермина пользовалась у публики большимъ успѣхомъ, въ этомъ же сезонѣ чувствуется уже нѣкоторое охлажденіе. «Въ «Золотой Евѣ» г-жа Лермина была очень мила, но «Заза» въ ея исполненіи утратила свою индивидуальность Г. Мурскій (простакъ и характерныя роли) дебютировалъ въ «Гувернерѣ» и былъ очень не дурнымъ Жоржемъ Дорси. Для салонныхъ пѣсокъ артисту не хватаетъ манеры. Г. Невѣровъ выступалъ съ успѣхомъ въ роляхъ Несчастливцева и Звѣздынцева (въ «Плодахъ просвѣщенія»), въ роляхъ же Якова Ранцау (въ «Братьяхъ Ранцау») и Василя Шуйскаго (въ трилогіи Толстого) былъ не на мѣстѣ. Чтеніе этихъ ролей нараспѣвъ, дѣланымъ тономъ, съ ненужными паузами, своеобразными удареніями на словахъ, не требующихъ подчеркиваній, приводило на слушателя гнетущее впечатлѣніе. Г-жа Трубецкая (ing. com.) артистка опытная, хороша въ легкихъ комедіяхъ и водевиляхъ,—дебютъ ея въ «Блестящей карьерѣ» въ роли Викки нельзя считать удачнымъ, несмотря на старательное изученіе ею этой роли. Г-жа Марина (комическая старуха) во всѣхъ роли своего амплу вноситъ много разнообразія, всегда очень типична и ея игра чужда шаржа. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта артистка выступала на сценѣ Виленскаго городского театра во вторыхъ роляхъ, но съ тѣхъ поръ она сдѣлала громадные успѣхи и въ этомъ направленіи не перестаетъ прогрессировать. Г-жа Васильчикова (gr. соq.)—полезность. Г-жа Ашанина (2-я ing. dram.) молодая артистка, выступившая для перваго дебюта въ роли Лизанки въ «Преступницѣ», произвела выгодное впечатлѣніе. Г. Эспе (салонный простакъ и комикъ) перешелъ изъ оперетты и поэтому онъ какъ-бы не ко двору въ драмѣ: трудно ему отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ.

Не можемъ не сказать нѣсколько приятныхъ словъ по адресу молодого артиста г. Загарова, обращающаго на себя вниманіе въ небольшихъ роляхъ. Г-жа Алексѣева—по прежнему любимица публики. Каждое появленіе ея передъ публикой—истинный праздникъ. Г. Бѣлгородскій (бытовой любовникъ)—молодой артистъ съ большимъ темпераментомъ, лишь второй сезонъ играетъ отвѣтственныя роли, но тѣмъ не менѣе, съ каждымъ разомъ замѣчается, какъ развертывается его талантъ, общающій ему большую будущность. Г. Грузинскій (комикъ)—скорѣе комикъ-резонеръ, артистъ умный и весьма полезный; во многихъ роляхъ онъ очень хорошъ, хотя собственнаго, природнаго-то комизма въ немъ нѣтъ. Съ шумнымъ успѣхомъ г. Грузинскій выступилъ въ роли Курюкова въ «Царѣ Эддорѣ». Очень не дуренъ былъ въ «Царѣ Борисѣ» г. Тунковъ (2-я роли) въ роли Семена Годунова. *Иисъ.*

ВЯТКА. Городской театр на зиму арендованъ артистомъ Н. П. Казанскимъ, которымъ сформирована драматическая труппа въ слѣдующемъ составѣ: Н. Н. Бортова—сильно драматич. роли, Р. С. Колосова—ingén. dram., М. В. Стрѣшневъ—ingén. com. и водевильныя, Е. И. Гусева—комич. старуха, Д. В. Галицкая—grande dame и драматич. старуха, С. Л. Волынская—grande soquette, К. С. Стенко—2-я ingénue, Р. П. Васильева—2-я роли, Писарева и Вѣрина—выходныя роли, С. Ф. Польш—драмат. герой, любовникъ, Н. П. Казанскій—любовникъ, жеппе comique, С. Е. Львовъ—резонеръ, А. А. Свѣтловъ—фатъ-резонеръ, Н. П. Ураловъ—комикъ, Г. Г. Симанъ—простакъ съ пѣніемъ и 2-й любовникъ, А. С. Ефремовъ—2-й комикъ и характерныя роли, П. С. Смоленскій—

2-й резонеръ, П. Р. Лихачевъ и А. С. Алексѣевъ—молодыхъ людей, Петровъ, Краевскій, Васильевъ и Крыловъ—на выхода. Ответственный режиссеръ Н. П. Казанскій, режиссеръ А. А. Свѣтловъ, помош. режиссера М. А. Истоминъ, суфлеръ г. Яковлевъ, декораторъ г. Козловъ, кассиръ П. С. Камцнеръ; оркестръ подъ управленіемъ П. К. Архипова. Спектакли даются 4 раза въ недѣлю, причемъ одинъ изъ нихъ—по общедоступнымъ цѣнамъ; кромѣ того, предложено давать, время отъ времени (въ праздничные и воскресные дни), бесплатные спектакли для учащихся мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Для удобства публики, антрепризой выпущены чековья книжки въ 100 и 50 руб. Лица, взявшія въ кредитъ книжку въ 100 р. пользуются скидкой 15%, въ 50 руб.—10%. Лица-же, покупая книжку чековья книжки за наличный расчетъ, пользуются скидкой 20%. Разсчетъ по чекамъ, которые выданы въ кредитъ, будетъ производиться 20-го числа каждаго мѣсяца. Въ репертуаръ включены, между прочимъ, слѣдующія новинки: «Девятый валъ», «Рюи-Блазъ», «По гривеннику за рубль», «Молодость Грознаго», «Эрнани», «Исторія одного увлеченія», «Новый мѣръ», «Золотая Ева», «Казнь», «Въ деревнѣ», «Честное слово», «Выдержанный стиль», «За чужой грѣхъ», «Блестящая карьера», «Вокругъ пылающей Москвы», «Борьба за счастье», «Графъ де Ризооръ», «Заза», «Измаилъ», «Империатрица Жозефина», «Идиотъ» (Достоевскаго) и друг.

Сезонъ открылся 1-го октября—драмой «Соколы и вороны» и водев. «Не бывать-бы счастью, да несчастье помогло». Спектакль прошелъ съ аншлагомъ. Въ сценическомъ-же отношеніи спектакль этотъ нельзя назвать удачнымъ; артисты, видимо, робѣли, играли не дружно, пугались, поэтому пьеса прошла крайне вяло и безъ всякаго ансамбля. Слѣдующіе спектакли пошли стройнѣе. Артисты, видимо, воодушевились, стали играть увѣреннѣе, свободнѣе. Сборы порядочные, не смотря на осеннюю распутицу. Съ 10-го сентября по 4 октября здѣсь подвизался циркъ А. Сура, но безъ успѣха.

II.

САРАТОВЪ. Боевыми пьесами сезона стали «Царь Оедоръ», «Идиотъ» и «Новый мѣръ», которыя уже дали по нѣскольکو большихъ сборовъ. Въ заглавной роли трагедіи гр. А. Толстого выступилъ молодой артистъ г. Михайловичъ-Дольскій. Мы не видали гг. Орленева, Москвина, и г. Дольскій оказался для насъ очень хорошимъ Оедоромъ; публика принимаетъ исполнителя радушно, а ея психонатическая часть успѣла уже возвести г. Дольскаго въ кумиры. Артистъ, въ самомъ дѣлѣ, подошелъ къ роли своей нервностью, достаточно мягкимъ голосомъ, фигурой, видимо, серьезно отнесся къ ней, много поработалъ, но кое-гдѣ съ толкованіемъ нельзя согласиться. Напримѣръ, Оедоръ г. Дольскаго по временамъ смотритъ какими-то робкими, еяскрывающимъ у Ирины мальчикомъ; въ немъ нѣтъ почти ничего царственнаго, тогда какъ подобные моменты въ трагедіи, безъ сомнѣнія, имѣются въ самомъ безспорномъ видѣ. Слѣдующія двѣ важныя роли, Годуновъ и Иванъ-Шуйскій, нашли отличныхъ исполнителей въ гг. Каширинѣ и Соколовскомъ: оба артиста даютъ яркіе и вѣрные характеры. Съ успѣхомъ проводятъ горячую сцену Шаховскаго г. Качаловъ, артистъ даровитый и много работающій въ труппѣ г. Бородея. Къ сожалѣнію, женскимъ ролямъ въ этой пьесѣ мало повсчастливилось: г-жи Шателенъ въ Ирину и Иртенъева въ княжнѣ Мстиславскую только удовлетворительныя, не болѣе; г-жа Соколовская изъ Волоховой ничего замѣтнаго не сдѣлала. Режиссерская часть, подъ руководствомъ г. Ивановскаго, идетъ гладко, мѣстами красиво; народныхъ сценъ поставлены жизненно. Обстановка хорошая; костюмы на Оедоръ и Годуновъ блестятъ богатствомъ.

Изъ другихъ новостей для Саратова съ успѣхомъ прошла «Заза». Г-жа Шателенъ очень недурная исполнительница заглавной героини. Нѣсколько нескромныя сценки 1-го акта были на второмъ представленіи пьесы смягчены и артистка произвела весьма выгодное общее впечатлѣніе. Г-жа Миличъ прекрасно играетъ Флоріану, а г. Соколовскій безупреченъ въ Дюфренѣ. Г-жѣ Литовцевой въ молчаливой супругѣ Дюфрена приходится только умно держаться; что артистка и выполнила съ тактомъ. Остальные содѣйствовали успѣху товарищей, игравшихъ болѣе видныя роли.—«Больные люди» Гаупмана также явились новостью нынѣшняго сезона. Пьеса вызвала толки и повята различно; одни театралы говорили, что это какой-то сумасшедшій домъ, другіе, напротивъ, остались очень довольны типичностью положеній и характеровъ. Впечатлѣніе, въ общемъ, смутное; успѣхъ спорный. Наконецъ, послѣдняя новость—«Глухая стѣна» г-жи Шапиръ, не понравилась своими длиннотами, да и содержаніе нѣсколько искусственное.

Съ 5-го октября открылась серія бенефисовъ, конечно, номинальныхъ. Первымъ шелъ бенефисъ г. Каширина («Расточитель»), затѣмъ г-жи Свободиной («Послѣдняя воля»), г. Соколовскаго («Бѣшеная денница»), г. Лепковскаго («Отелло»), г-жи Шателенъ («Заза») и г-жи Миличъ («Глухая стѣна»). Всѣ эти «артистическія именины», разумѣется, собирали много публики, сопровождалась усиленными рукоплесканіями и подношеніями. Впрочемъ, по части подношеній нынче что-то идетъ скупо; цѣнныя вещи не въ ходу, а все болѣе цвѣточ-

ныя.. Но радующіе публики прежнес.—Сборы товарищество дѣлаютъ очень хорошіе; въ послѣдній полумѣсяцъ раздѣлили 10 42 коп. на марку. Переѣздъ труппы въ Казань начнется съ 16-го ноября; 21-го ноября будетъ первый оуерный спектакль въ Саратовѣ, и первый драматическій въ Казани.

Постолыный.

У насъ въ Саратовѣ существуетъ мнѣніе, что столица Поволжья вообще склонна къ всевозможнаго рода «инцидентамъ». Если это хотя отчасти справедливо, то логичительно нѣтъ основанія удивляться всѣмъ тѣмъ инцидентамъ, ареной для которыхъ избранъ нашъ народный театръ. Сообщаю новый инцидентъ—увольненіе отъ службы режиссера г. Т. Н. Селиванова, увольненіе неожиданное не только для публики вообще, но, какъ говорятъ, даже и для самого г. Селиванова въ частности. Увольненіе г. Селиванова вызываетъ оживленные толки какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Я положительно не знаю—чѣмъ мотивируетъ Совѣтъ увольненіе серьезнаго, опытнаго режиссера, хотя и слышалъ стороной, что ему вообще приписываютъ шаткость материальныхъ дѣлъ въ народномъ театрѣ за послѣднее время, т. е. упадокъ сборовъ. Кончатъ ли дѣло миромъ—это еще вопросъ. Г. Селивановъ законтрикованъ на совершенно иныхъ условіяхъ, у него нѣтъ пункта 17-го въ договорѣ, и если Совѣтъ народного театра не дастъ (какъ уже говорятъ—на судѣ) серьезной мотивировки увольненію, то долженъ будетъ зашлатить неустойку по контракту—1000 р.

Отъ себя скажу, что режиссеру, вообще, трудно вести дѣло въ нашемъ народномъ театрѣ. Репертуаръ требуетъ большихъ силъ, а ихъ замѣняютъ любители. У послѣднихъ, серьезно говоря, зачастую бываетъ больше утрированнаго самолюбія, чѣмъ способностей и опытности. Не угодно-ли режиссеру эквелибрировать съ такимъ багажемъ? Не такъ давно былъ такой случай: ставить «Укрощеніе строптивой»; на одной изъ послѣднихъ ршетицій отказывается отъ роли какой-то любитель г. Константиновъ, затѣмъ еще кто-то. Въ результатѣ—отмѣна пьесы.

Отъ дальнѣйшихъ комментаріевъ я пока повоздержусь. Но вопросъ интересный и возвращеніе къ нему будетъ, вѣроятно, весьма естественнымъ.

II-но.

ЯРОСЛАВЪ. Сезонъ въ нашемъ театрѣ открылся 29 сентября драмой «Гатъяна Рѣпина» съ г-жей Анненской въ роли Рѣпиной. Роль Рѣпиной артистка провела обдуманно, достаточно съ большимъ темпераментомъ. Сабина хорошо сыграла г. Мавринъ. Слѣдующимъ спектаклемъ шелъ «Кинъ» съ г. Мавринымъ. Красивая и симпатичная внѣшность и сильный голосъ много содѣйствовали успѣху артиста. Этотъ спектакль не обошелся безъ инцидента. Въ должный моментъ лордъ Мевиль не крикнулъ «долей Кина и т. д.», ибо увя, лорда Мевиль на этотъ разъ не было въ театрѣ. Г. Мавринъ бросилъ мечъ и ушелъ со сцены. Сборъ былъ полный. Слѣдующій спектакль «Нишіе духомъ» прошелъ также съ успѣхомъ. Затѣмъ шли слѣдующія пьесы: «Извозчикъ Геншель», «Девятый валъ», «Свѣтитъ да не грѣетъ», «Мученица», «Отравленная совѣсть», «Ева», «Доходное мѣсто». Изъ новыхъ пьесъ дирекція усиленно готовитъ, какъ мы слышали, «Царя Оедора» и «Новый мѣръ». Изъ остальныхъ артистовъ отмѣнимъ г-жу Кварталову, очень молодую, но съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Особенно ей удалось роли: Раечки («Девятый валъ»), Анны Демби («Кинъ»). Г-жа Бурдина, старая наша знакомая, по прежнему пользуется любовью публики. Изъ прошлогоднихъ и исполнѣ уже себя заявившихъ назовемъ гг. Вольскаго, Большакова и Тарасова. Г. Дагмаровъ, приглашенный на роли 2-хъ молодыхниковъ, — совсѣмъ еще молодой актеръ, неумѣющій, кстати сказать, гримироваться.

Театралъ.

ОРЕЛЬ. Нашъ городской театръ снялъ, какъ говорятъ, на три года С. И. Томскій, державшій нѣсколько лѣтъ подъ рядъ Тулу. Повидимому, театръ находится въ умѣлыхъ рукахъ. Труппа снискала большія симпатіи публики, къ слову сказать, не особенно расположенной къ драмѣ. Труппа не блестяще особенными именами, не считая двухъ-трехъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ театральномъ мѣрѣ фамилій, какъ Томскій, Семеновъ и Самарскій, но за то чѣмъ труппа Томскаго можетъ удовлетворить даже самаго строгаго цѣнителя — ансамблемъ, постановкой и крайне чистоплотнымъ, если позволено будетъ такъ выразиться, веденіемъ дѣла: никакихъ вазвательныхъ афишъ, какими насъ угощали предшественники Томскаго, и на которыя, все-таки, стыдно сознаться, орловцы такъ падки. Выходитъ самая скромная афиша съ фамиліями участвующихъ въ пьесѣ въ алфавитномъ порядкѣ (въ 1-ый разъ у насъ!), такъ что премьеры и премьерщи сплошь и рядомъ стоятъ въ самомъ концѣ, а выходной въ самомъ началѣ. Это на первый взглядъ мелочь, но объ этомъ говорили долго у насъ и продолжаютъ говорить и понынь. Далѣе спектакли начинаются пунктуально, какъ сказано въ афишѣ въ 7½ часовъ и оканчиваются не позднѣе 12-ти. Такимъ разумнымъ порядкомъ мы тоже не избалованы и наконецъ, постановка самихъ спектаклей (декорация, мебель, бутфорія) не оставляетъ желать ничего лучшаго и прямо нужно сказать еще у насъ невиданная. Заговоривъ о постановкѣ спектаклей, при-

ходится сказать еще нѣсколько словъ о самомъ помѣщеніи театра, получившемъ совершенно иную физиономію въ этомъ году. Зрительный залъ заново отдѣланъ, ложи (литерныя) обиты штофной матеріей, барьеры ложъ—краснымъ манжестеромъ, ламповая копоть, всегда царившая у насъ въ театрѣ, отошла благодаря Томскому въ вѣчность, такъ какъ онъ на свой счетъ провѣлъ (въ 1-ый разъ въ Орлѣ) электрическое освѣщеніе. Зрительный залъ освѣщается большимъ фонаремъ въ срединѣ потолка и разноцвѣтными лампонами, расположенными радіусами по всему круглому потолку. Такіе же лампы проведены подъ барьерами ложъ, въ срединѣ каждой ложи и въ корридорахъ при освѣщеніи а giorno театръ очень наряденъ. На сценѣ также электрическое освѣщеніе и, разумѣется, всякіе свѣтовые эффекты на сценѣ удаются теперь, какъ нельзя лучше. Сборы, къ сожалѣнію, неважные, что объясняется артистическимъ нашествіемъ концертантовъ.

Ст. Театрала.

ЖИТОМІРЬ. 27 сентября у насъ похоронили близкаго театральному дѣлу челоѣка М. А. Дединцева—одного изъ директоровъ городского театра, театрада не только ех офисю, но и въ душѣ. Житомирцы покойному обязаны существующимъ у насъ драматическимъ обществомъ любителей, котораго онъ былъ создателемъ и руководителемъ. Онъ состоялъ председателемъ общества съ основанія въ теченіи долгаго времени, будучи въ то же время однимъ изъ способнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ сценическихъ исполнителей кружка.

В. А. Масуринъ.

САМАРА. Антреприза нашего городского театра уже второй сезонъ находится въ рукахъ извѣстнаго провинціального артиста П. П. Медвѣдева. Въ текущемъ сезонѣ нѣсколько совершенно новыхъ для Самары артистовъ, изъ числа которыхъ выдѣлились и заняли выдающееся положеніе г-жа Арнольди и г. Агаревъ. Г-жа Арнольди выступила въ «Бѣшеныхъ дняхъ», затѣмъ сыграла цѣлый рядъ ролей въ современныхъ и классическихъ пьесахъ. Бенефисъ г-жи Арнольди, выбравшей пресловутую «Заза», состоялся 12 го октября, и сопровождался большимъ успѣхомъ.

Г. Агаревъ, занимающій у насъ амплу героя-любownika, очень нравится публикѣ. Остальной составъ труппы слѣдующій: г-жи Агарева-Инсарова, Мерянская, Богдановская, Голодкова, Велинская, Донская, Эртъянъ, Звѣрева, Муромская и г. Кригеръ, Лихтеръ, Федотовъ, Вихиревъ, Долинъ, Корнильевъ, Михайловичъ, Томскій и др. Иногда выступаютъ и самъ Медвѣдевъ. Ансамбль добротачественный. Обстановка хороша. Спектакли идутъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ. Дѣла недурныя.

Подвизается у насъ еще нѣкій театръ—Variete съ небезызвѣстнымъ куплетистомъ Пчелинымъ во главѣ, но представленія его, состоящая изъ чревоушанія, песенокъ à la Фреголи, комическихъ выходовъ и т. д. не привлекаютъ большого количества публики.

Прозвѣстий.

ТОМСКЪ. Въ нынѣшнемъ году г. Корсаковымъ составлены для Томска 3 труппы: драматическая, опереточная и оперная. Последняя подобна очень недурно и оперные спектакли охотно посѣщаются публикой. Наибольшимъ успѣхомъ пользуется А. А. Картавина, завоевавшая симпатіи публики съ перваго своего дебюта, 6 октября, въ роли Джиуды въ «Риголетто». Голосъ г-жи Картавиной—высокое сопрано ровное во всѣхъ регистрахъ—производитъ обаятельное впечатлѣніе красотой, силой, сочностью и чистотой звука. Фрагировка у нея вполне музыкальная, полная нюансовъ. Трель, фіоритуръ, notes рiqüees раздаются легко и изящно. Къ этому надо прибавить художественное исполненіе, соединенное съ музыкальнымъ чутьемъ, прекрасными манерами и красивою внѣшностью. Второй дебютъ г-жи Картавиной въ роли Тамары въ «Демонъ» собралъ переполненный театръ публики. Пѣвица заявила себя и выдающееся драматическою артисткою. Успѣхъ огромный. По общимъ отзывамъ публики, такой оперной артистки въ Томскѣ еще не было.

Н. Дмитриевъ.

МИТАВА. И нашъ убогий городъ вчера нѣсколько оживился съ пріѣздомъ рижской труппы русскихъ драматическихъ артистовъ отъ драматического общества. Къ сожалѣнію, сборъ (142 р.) не оправдалъ ожиданій и театръ былъ на половину пустой. Объясняютъ это высокими цѣнами и безденежьемъ передъ 20 числомъ. Рижское драматическое общество сняло помѣщеніе русскаго клуба за 20 р. отъ спектакля, конечно, безъ расходовъ и предполагаетъ привозить артистовъ разъ въ недѣлю. Цѣны съ слѣдующаго спектакля который предполагается дать въ четвергъ 21-го октября, будутъ понижены. 12-го октября, была поставлена комедія Потапенки «Чужіе» и водевилъ Чехова «Предложеніе». Спектакль прошель съ ансамблемъ и публика горячо принимала пріѣзжихъ гостей. Расписаніе поѣздовъ способствуетъ удобному передвиженію труппы: изъ Риги поѣздъ отходитъ въ 2½ часа дня и приходитъ въ Митаву въ 4 дня. Изъ Митавы артисты могутъ выхъзть тотчасъ послѣ спектакля въ 12½ ч. ночи и въ 2 часа пріѣзжаютъ въ Ригу.—Думаемъ, что слѣдующіе спектакли будутъ привлекать больше публики. Есть у насъ Латышскій театръ, но онъ существуетъ преимущественно для простаго люда.

В. И.

ЧЕРНИГОВЪ. У насъ уже пять сезоновъ не было постояннаго драматическаго театра, а наѣзжали небольшія труппы—смѣсь оперетки съ драмой—и такъ какъ наѣзды эти были мимолетны, а труппы по своему составу не многочисленны, то спектакли не пользовались успѣхомъ. Въ этомъ сезонѣ мы имѣемъ постоянную драматическую труппу. Открытіе сезона состоялось 19 сентября постановкой пьесы стараго репертуара «Безъ вины виноватые». Послѣ «Безъ вины виноватыхъ» были поставлены слѣдующія пьесы: «Маюрша», «Въ старые годы», «Уриель Акоста», «Каширская старина».

Изъ артистокъ назовемъ г-жъ Гореву-Трескину, Курганову, Силину (последняя исполняетъ водевили съ пѣніемъ). Изъ артистовъ гг. Панормова-Сокольскаго, Вольскаго, Усольцева-Сибиряка, Хмѣльницкаго, Фебера. Последній играетъ водевилныхъ простаковъ. Объ остальныхъ по первымъ спектаклямъ пока судить не берусь. Сборы средніе. Режиссеромъ А. А. Вольскій.

Жителю.

РЯЗАНЬ. Послѣ «Цѣны жизни» на сценѣ нашего театра мы ставили «Донъ-Жуана», «Грозу», «Честь», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Уриель Акоста», «Ножъ моей жены». Сборы слабые. Рязанская публика, избалованная московскими знаменитостями, очевидно, не хочетъ сразу пойти на спектакли новой труппы и, можетъ быть, ждетъ гастролеровъ съ громкими именами. Это характерная черта публики близкихъ къ столицамъ провинцій: «мы-де и не такихъ видѣли!». Выдѣляются г-жи Кварталова-Пальмина, Попова и г. Заировъ, Бахчисарайцевъ и Арсеньевъ. Народный театръ на окраинѣ города далъ чистой прибыли 1800 р. Возбуждается вопросъ о приспособленіи народнаго театра для зимнихъ спектаклей.

А. М.—нѣ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ безусловно дозволеннымъ къ представленію по 1-е августа 1899 года.

(Прав. Вѣстн. № 221).

1) Глухая стѣна. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Ольги Шаширъ. 2) За королеву (Le chevalier de Maison-Rouge). Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ. Александра Дюма. Переводъ К. Военскаго и Н. Северина (по печатному изданію и по отдѣльнымъ оттикамъ журнала «Театръ и Искусство»). Типографія Г. Г. Шклявера, С.-Петербургъ, 1898 года). 3) Задача № 1371. Шутка въ одномъ дѣйствіи В. Н. Карпинской. (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттикамъ журнала «Театръ и Искусство»). Типографія «Трудъ». С.-Петербургъ 1899 года. 4) Любашъ смородиной—любужъ и оскомину. Водевилъ въ двухъ картинахъ. Сочиненіе М. Ф. Сластина. 5) Морское купанье. Комедія-шутка въ трехъ дѣйствіяхъ Рубенса Чинарова (По печатному изданію С. Разсохина). 6) Поѣздка кума—невѣдомо куда. Монологъ-пантомима въ одномъ дѣйствіи (съ французскаго) Я. Дельера. (По печатному изданію журнала «Театръ и Искусство» и по отдѣльнымъ оттикамъ). Типографія «Трудъ» 1899 года). 7) Путь къ славѣ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго Ватсонъ. 8) Русалка. Драматическая опера въ четырехъ дѣйствіяхъ. (По печатному изданію. Москва. Университетская типографія 1885 года). 9) Свѣтлѣйшая княгиня. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ Викторіена Сарду. Передѣлка Ф. Латернера. 10) Фаустъ. Опера въ пяти дѣйствіяхъ. Музыка К. Гуно. Переводъ П. Калашникова (По печатному изданію. Москва. Товарищ. скорочен. А. А. Левенсонъ. 1894 года).

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ.

Александринскій театръ.—1-го ноября: «Биронъ».—2-го «Биронъ».—3-го «Джентльмэнъ»,—4-го Бенефисъ г. Медвѣдева. Въ 1-й разъ: «Идиотъ», «Залъ для стрижки волосъ»,—5-го «Шутники».—7-го: утромъ «Холостякъ»; «Завтракъ у предводителя»; вечеромъ: «Невольнички». 8-го «Идиотъ». 9-го «Биронъ». 10-го «Шутники». 11-го «Идиотъ». 12-го «Волшебная сказка». 14-го утромъ: гимнъ «Боже Царя храни!» «Холостякъ»; «Завтракъ у предводителя»; вечеромъ: гимнъ «Боже Царя храни!» «Биронъ».

Михайловскій театръ. 1-го ноября: «La camaraderie».—2-го «La camaraderie».—3-го: «Забава».—4-го: «La camaraderie».—5-го: «Вторая жена».—6-го: Bénéfice de m-lle Alicè Bernard. «Le train de plaisir».—7-го: «Le train de plaisir».—8-го: «Бой бабочекъ».—9-го: «Le train de plaisir». 10-го: «Вторая жена».—11-го: «Le train de Plaisir».—12-го: «Вторая жена». 13-го: Bénéfice de m r Michel «Fromont jeune et Rissler aîné». 14-го: утромъ: гимнъ «Боже, Царя храни!» «La camaraderie». Вечеромъ: гимнъ «Боже, Царя храни!» «Fromont jeune et Rissler aîné».

Маринскій театръ. 1-го ноября: «Фаустъ».—2-го: Въ 1-й разъ: «Сарацинъ».—3-го: «Спящая красавица».—4-го: «Сарацинъ».—5-го: «Опричникъ».—7-го: утромъ: «Фаустъ»; вечеромъ: «Дочь Фараона».—8-го: «Опричникъ».—9-го: «Лознгринъ».—10-го: «Сарацинъ».—11-го: «Лознгринъ».—12-го: «Опричникъ».—14-го: утромъ: гимнъ «Боже, Царя храни!» «Жизнь за Царя»; вечеромъ: Гимнъ «Боже, Царя храни!» «Конекъ Горбунокъ».

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича Ленни.

Значительно обновленный составъ труппы: Е. Г. Кони-Стрѣльская, М. Н. Воронцова-Ленни, М. С. Брянская-Коврова, Е. Л. Легать, Е. М. Грановская, Э. П. Нелидова, Е. Л. Станилевичъ, Е. А. Мосолова, Н. П. Тенишева, А. К. Добровольская, О. М. Полякова, О. П. Снѣжина, О. П. Мельникова, Е. П. Колышева, Л. И. Зорина, Е. А. Янова, Е. М. Погребова, Н. Д. Дмитриева, В. Д. Ларина, Е. М. Гарина, Е. М. Гравина, О. М. Явъ, Т. И. Тавина, З. Л. Викторова, М. И. Марусина, Е. А. Дубровская, А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій, С. Ф. Сабуровъ, В. Я. Грѣховъ, Д. И. Васмановъ, А. Д. Каменскій, Г. Г. Яковлевъ, В. М. Фокинъ, Н. В. Муратовъ-Лирскій, Г. И. Вестеръ, В. Н. Василевъ, И. И. Павловъ, П. Н. Щепкинъ, И. Ф. Константиновъ, Н. Н. Калита, П. П. Рудинъ, Н. В. Радинъ, И. М. Вороиковскій, К. С. Костинъ, Ф. Г. Николаевъ, М. Г. Петровъ, А. М. Иртеневъ, С. С. Аргюръ, Л. А. Камышевъ.

Репертуаръ: Въ воскрес., 31-го октября: 1) „Подайте мнѣ ребенка“; 2) „Холодные души“. Понедѣльникъ, 1-го ноября: 1) „Дамскій фотограф“; 2) „Дама отъ Максима“. Вторникъ, 2-го: 1) „Подайте мнѣ ребенка“; 2) „Холодные души“. Среда, 3-го: 1) „Дамскій фотограф“; 2) „Дама отъ Максима“. Четвергъ, 4-го: 1) „Морское купанье“; 2) Холодные души“. Пятница, 5-го: 1) „Подайте мнѣ ребенка“; 2) „Холодные души“. Суббота, 6-го: 1) „Дамскій фотограф“; 2) „Дама отъ Максима“.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

Массановинокъ. Новая обстановка.

Все необходимое для гг. артистовъ!

Усовершенствованныя и безвредныя гримировки: румяна, бѣлила, карандаши и тушь для бровей, замазки для париковъ и проч.

Громадный выборъ парфюмерій лучшихъ заграничныхъ фабрикъ

Высылаетъ по первому требованію

аптекарскій складъ Э. Ф. ВОЛЯНСКАГО

С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., № 22. № 234 (1—1)

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ. № 1251 (10—1).

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темнорусый.

Краска „НАТУРЕЛЬ“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требовать во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія „I ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С. Петербургъ, Разъѣзжая, № 13. 216 (г.—)

БАЛЗАМЪ ЭЙГЛУНДЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и приятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ,

Михайловская пл., № 2.

ПРИГЛАШАЮТСЯ

артисты и артистки русскіе-драматическіе въ товарищество Н. А. Затиковой въ Харьковѣ. (Народный театръ) бывшее помѣщеніе царка бр. Никитиныхъ.

Адресъ: Харьковъ, Торговая Гостилица Н. А. Затиковой.

„УСМИРЕНІЕ СТРОПТИВОЙ“

комедія въ 5 д.

ШЕКСПИРА.

Переводъ П. П. ГНѢДИЧА продается въ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна 1 руб.

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЦЕНЫ

соч. В. И. Резикова.

Шесть „МЕЛОМИМИКЪ“

(Меломимика сходна съ пантомимой, сопровождается музыкой инструментальной).

1) Три сцены изъ сказки „Миля и Нолли“ — 40 к.

2) а) „Объявленіе въ любви“. в) „Письмо“ — 40 к.

3) „Геній и смерть“ — 50 к.

Для постановки ихъ на сценѣ требуются артисты-мимы и инструментальная музыка.

Продаются въ музыкальн. магазинахъ ЮРГЕНСОНА: Петербургъ, Б. Морская, Москва, Неглинная. № 1253 (2—1)